

Обменный курс — «всех на всех». Ну почти

Москва и Киев готовятся к масштабной гуманитарной операции, за скобками которой останутся самые «дорогие» политзеки — **Сенцов** и **Вышинский**

страницы 4—5

понедельник

среда

пятница

НОВАЯ

газета

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

№ 94 (2959) 26.08.2019 г.

Протест-драйв

**Страх уступает место чувству собственного достоинства.
Граждане готовы даже сидеть, но не терпеть**

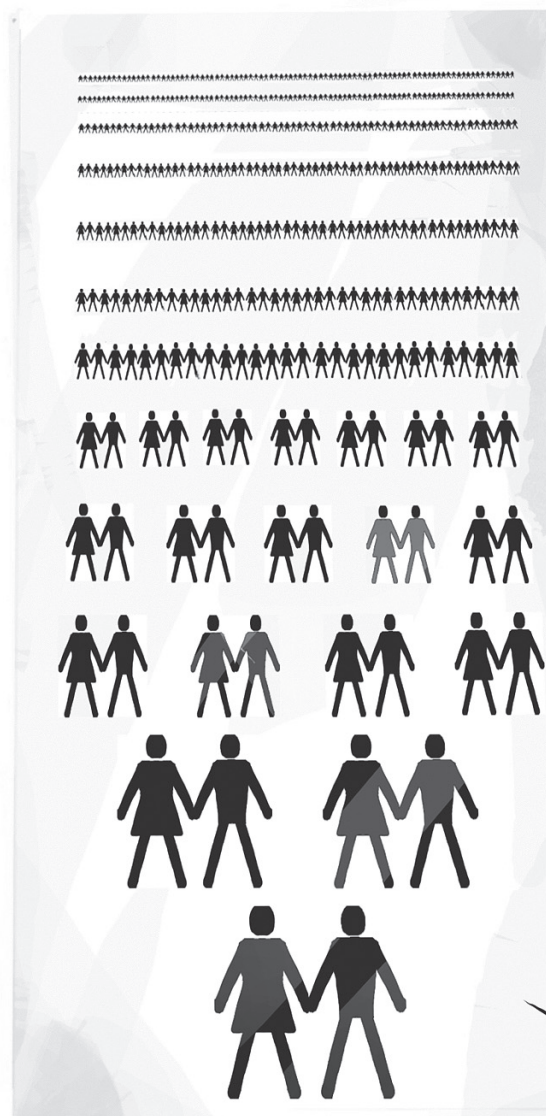
В номере
собрались:

● Арестованный мундеп
Юлия ГАЛЯМИНА:
**Люди выходят
на улицу не за лидерами
и не ради лидеров**

● Глава «Агоры»
Павел ЧИКОВ:
**Мы продвигаем
и защищаем право
на политический протест**

● Социолог
Дмитрий ЮДИН:
**Избирателям надо
договориться, какое
поведение будет
означать «черную метку»
администрации**

страницы 8—13

В День российского флага сто тысяч человек вышли на Сахарова добровольно, хоть и не самостоятельно

«Если бы премию обещали,

вышел бы миллион!>>

Виктория ОДИССОНОВА — «Новая»

Две недели назад на проспекте Сахарова более 50 тысяч человек требовали честных выборов и освобождения арестованных по делу о «массовых беспорядках». В субботу на том же месте — более 100 тысяч отмечали 350-летие российского флага. Многие из пришедших ничего не слышали ни о событиях последних недель в столице, ни о выборах в Мосгордуму.

Корреспондент «Новой» не встретила ни одного «самостоятельного» гражданина на митинге-концерте — люди приезжали централизованно на автобусах, «организациями», часто из области.

Почти неделю назад московская мэрия отказала в согласовании шествия оппозиции на проспекте Сахарова — акцию как раз хотели провести 24 августа. Организаторы мероприятия, среди которых был незарегистрированный на выборы в Мосгордуму Александр Соловьев, подавали в мэрию две заявки — с просьбой согласовать митинг на площади Победы у Поклонной горы или шествие на проспекте Сахарова, но на обе получили отказ. Отказ на Сахарова был мотивирован вероятным «созданием помех движению пешеходов и транспортных средств».

Митинг-концерт в честь 350-летия российского флага «помех», видимо, со-

здать не мог, хотя из-за него и перекрыли несколько соседних улиц.

К слову, на прошедших несогласованных акциях оппозиции триколор вызывал какую-то особую злость росгвардейцев — людей с флагами задерживали без объяснений в первую очередь. А в субботу на Сахарова даже состоялся флешмоб — сотни человек растянули гигантское полотно из двух тысяч флагов городов России и общественных организаций. Когда флешмоб закончился, они, не задерживаясь ради концерта российских поп-артистов, массово потянулись к выходу.

Об акциях оппозиции в столице для пришедших сегодня напоминают только активисты НОД у рамок. У одной из женщин на шее висят плакаты «Майдану нет» и «Работайте, братья» — под «братьями» имеются в виду омоновцы на фото. Нодовцы выступают на камеру с речью о том, что оппозиционеры «берут все дурное с Запада, все то, что чуждо российскому обществу». Рядом останавливаются любопытные прохожие, заглядывают в плакат, им в ответ: «Они там все — вообще педофилы».

Над проспектом Сахарова кружат три квадрокоптера — никто их не трогает. Две недели назад на санкционированном митинге здесь из специального ружья силовики сбили дрон.

О задержаниях москвичей, митингах, выборах в Мосгордуму, деле о «массовых беспорядках» не слышал никто, с кем мне удалось пообщаться на митинге. Только Леонид из московской городской поисково-спасательной службы вспоминает, что по телевизору что-то такое показывали, «неразрешенное»: «Даже если разрешенное — я негативно к протестам этим отношусь, это моя политическая позиция».

— Дочь вот моя стоит, вот еще наши работники, — Леонид показывает на крепких мужчин рядом. — Нас спросили: есть желающие пойти на митинг-концерт? И мы обрадовались, сказали: «Ура, пойдем сходим, мы — активные граждане!»

— Премий вам никаких не обещали за это?

— Да вы что? Если бы еще премию пообещали — ох, что бы тут было... Миллион! — Леонид громко смеется.

Здесь сотрудники администраций городских округов, студенты московских вузов (не называют каких), молодежные отделения «Единой России», «Молодой гвардии», Союз ветеранов Афганистана, сотрудники коммунальных служб. Один сотрудник при общении со мной каждый вопрос повторяет мужчине рядом (похоже, что руководителю группы).

— Мы из какой организации? Как сказать? Меня спрашивают: мы добровольно пришли? Как?

Три подружки в ярких платьях и с мороженым в руках пританцовывают под песни Кристины Орбакайте, смеются.

— Мы просто отдыхаем. Нас пригласили кое-какие люди. В общем, мы с деревни, а из какого района я вам не скажу, администрация нас пригласила.

Валентина ест мороженое, танцует: «Что хотим посмотреть? А что показывать сегодня будут — мы все будем смотреть! В Москву редко выбираемся». «Акции протеста? Нет, ни о каком протесте не слышала и слышать не хочу. — Валентина закрывает глаза и даже машет руками от возмущения. — Я не люблю политику эту. Сегодня такой праздник!»

Удивительно, но людей с такими счастливыми лицами и подпевающими «Расплескалась синева, расплескалась» было совсем немного. В основном люди стояли серьезными, часто ругались на то, как кто-то рядом толкался, чтобы пройти ближе к сцене, и иногда снимали на телефон Киркорова, Орбакайте и Лепса.

Ведущий Валдис Пельш со сцены объявляет, что на Сахарова больше 100 тысяч человек. Возможно, столько было в самом начале, когда всех разом пустили через рамки. Уже после выступавшего одним из первых Филиппа Киркорова довольно большая часть стала стихийно утекать к выходу. Причем массовый выход происходил впритирку, и при этом кто-то постоянно останавливался, чтобы позвонить, дожидаться человека «из своей группы».

Выходя с проспекта, я видела под ногами разбросанные бутылки, упаковки от мороженого и порванные российские флажки.

В это же время на Пушкинской площади проходили одиночные пикеты против политических репрессий. Пришедшие на Пушкинскую требовали «свободы политзаключенным по делу 212». Всего в очереди на пикет стояли около 20 человек. Это седьмой раз подряд, когда в выходные в Москве проходят протестные акции — но уже не столько за допуск независимых кандидатов на выборы, сколько за освобождение арестованных по уголовному делу о «массовых беспорядках».

Татьяна ВАСИЛЬЧУК,
«Новая»

СТАНЬ СОУЧАСТНИКОМ

www.novayagazeta.ru/donate

Евгений РОЙЗМАН, политик, соучастник «Новой»:

— Я считаю, что «Новая газета» — одно из лучших русских СМИ. А проект «Стань соучастником» — очень правильный. Надо понимать, что свобода дается дорого. Эта газета потеряла больше всех журналистов.

Я хочу выразить поддержку всему коллективу «Новой газеты» и хочу, чтобы вы знали: вас читают, вас ждут, вас любят и за вас переживают. Поэтому я буду участвовать в этом проекте и, как бы у меня сложно ни было, ну по тысяче рублей ежемесячно отравлять буду.

Если «Соучастник» станет народным проектом, то «Новую» никто и никогда не сможет задуть.

КАК СТАТЬ СОУЧАСТНИКОМ

Пожертвовать нам любую сумму можно на сайте: novayagazeta.ru/donate, если у вас есть банковская карта.

Выберите регулярность платежа (мы очень просим вас выбрать регулярный, пусть и на меньшую сумму), введите ваше имя, адрес электронной почты, нажмем галочки внизу — и становитесь соучастником.

Дальше вас попросят ввести данные вашей карты. Наберите в специальном окошке номер карты, ваше имя, срок действия и код с обратной стороны карты.

Это совершенно безопасно и не требует никакой дополнительной комиссии. Все ваши средства мы потратим на новые истории, расследования и репортажи для вас. Мы регулярно будем отчитываться о наших сборах и наших тратах.

Если у вас нет возможности зайти на сайт и стать нашим соучастником, пожалуйста, продолжайте поддерживать нас, покупая газету и подписку на газету на почте.

Станьте нашими соучастниками.

Если вам неудобно пользоваться банковскими услугами онлайн и вы хотите стать соучастником «Новой газеты», посетив отделение банка, то вот реквизиты:

Организация АНО «РИД «Новая газета»

ИНН 7701194195

КПП 770101001

ОГРН/ОГРИП 1037739600359

Счет 40703810638000010109

БИК 044525225

Наименование Банка ПАО СБЕРБАНК
К/с 30101810400000000225

Обязательно нужно указать назначение платежа: **на уставную деятельность АНО «РИД «Новая газета»**

Ветровал, литовцы и память

Как экспедиция пермского
«Мемориала» обернулась
двумя уголовными делами

В Пермском крае возбудили сразу два уголовных дела после экспедиции краевого отделения «Мемориала» в Кудымкарский район. Волонтеры и члены «Мемориала» хотели благоустроить территорию вокруг памятника репрессированным литовцам и полякам в бывшем поселке Галяшор: сюда и в соседние селения Шарволь и Велва-База в годы сталинских репрессий были высланы около 300 литовцев, 99 из них захоронены здесь.

Но теперь они сами могут стать фигурантами уголовного дела о «незаконной вырубке леса» (ст. 260 УК РФ), а помогавший им местный житель уже стал подозреваемым по делу о «фиктивной регистрации иностранных граждан» (ст. 322.2 УК).

— Экспедиция стартовала 5 августа. В нее поехали двое сотрудников «Мемориала», девушка-волонтер из Московской области, один парень-итальянец и пятеро литовцев. За 20 дней до этого, в середине июля, я обратился к главе Кудымкарского района Валерию Климову с просьбой организовать содействие в проведении экспедиции: просил помочь с транспортом от поселка Велва-База до Галяшора. В самом Галяшоре уже никто не живет. Разумеется, мы были готовы за транспорт заплатить, — рассказывает председатель пермского «Мемориала» Роберт Латыпов.

Глава района ответил на просьбу «мемориальцев» лишь 3 августа. Отказом. «По результатам рассмотрения полученного от вас предложения об оказании содействия в проведении молодежной волонтерской поисковой экспедиции «По рекам памяти» на территории Кудымкарского муниципального района вынуждены сообщить об отказе», — написал чиновник.

Однако отказом в содействии дело не ограничилось. 9 августа владелец пилорамы в Велва-Базе, с которым у «мемориальцев» были договоренности о покупке материалов для памятного креста, заявил, что не может продать им пиломатериал, потому что ему «звонили из района». А 10 августа в Галяшор к волонтерам, которые добрались туда на тракторе, прибыли восемь сотрудников полиции и двое работников Минприроды Пермского края.

— Полицейские пришли, когда мы уже сидели на тракторе и собирались уезжать. Было около 14 часов, — говорит Латыпов. — Нам заявили, что здесь, в Галяшоре, произведена незаконная вырубка леса. И начали нас опрашивать. Особенно тщательно опрашивали литовцев, потому что они плохо владеют русским и их можно было запутать так, чтоб они сказали: да, мы рубили деревья, жгли костры.

Латыпов поясняет, что в 2017 году в Галяшоре прошел ветровал: сильный ветер свалил многие деревья, в том числе и на кладбище. «Мемориальцы» последствия ветровала убрали, но пеньки на месте работ действительно были видны. За это полицейские и зацепились.

Урезонить сотрудников полиции пытался один из прибывших с ними

работников Минприроды. Он отметил, что пеньки явно не свежие. Однако это не помешало полицейским до двух часов ночи проводить осмотр места происшествия и опрашивать волонтеров в качестве свидетелей. А утром 11 августа «мемориальцам» сообщили о возбуждении уголовного дела по 260-й статье УК (максимальная санкция — до двух лет лишения свободы). Пока — «по факту», то есть без фигурантов.

— Меня уже вызывают на допрос в качестве свидетеля, — говорит Роберт Латыпов.

Но «мемориальцам», можно сказать, еще повезло. На 70-летнего жителя Велва-Базы Леонида Ладанова, который согласился на время экспедиции зарегистрировать у себя литовцев, полицейские уже завели уголовное дело по ст. 322.2 УК РФ «Фиктивная регистрация иностранных граждан». Ему грозит до трех лет лишения свободы.

— Полиция считает, что литовцы не жили у Ладанова. Хотя они у него действительно жили, — говорит Роберт Латыпов. — Причем ситуация усугубляется тем, что литовцы подписали какие-то бумаги, содержание

«
Есть ощущение,
что существует
некая разнарядка
для силовиков:
душить эту память
»

которых они сами не знают. Может быть, они в этих бумагах действительно говорят, что не жили у Ладанова. Я их спрашивал: «Вы зачем это подписали?» Они говорят: «Нас же полицейский попросил». Они вообще не понимают, как работает полиция в России.

Поговорить с Леонидом Ладановым «Новой газете» не удалось: его защита пока не хочет, чтобы он выступал в СМИ.

В ГУ МВД по Пермскому краю «Новой» подтвердили наличие обоих уголовных дел, но отметили, что пока «ведется расследование».

— Есть много выступлений государственных лиц, которые говорят о важности сохранения памяти о политических репрессиях, чтобы этого не повторилось, — говорит Роберт Латыпов. — Но есть ощущение, что параллельно существует некая разнарядка для силовиков: душить эту память, не давать ухаживать за могилами, не давать ставить памятные знаки. И, кажется, эта разнарядка сейчас как раз работает.

Иван ЖИЛИН,
соб. корр. «Новой» по Уралу

лайнер ограниченного применения

Последняя зарубежная авиакомпания
избавляется от «Суперджетов»

Мексиканская авиакомпания Interjet решила продать российские самолеты Sukhoi SuperJet 100, сообщают «Ведомости». Interjet — вторая по величине компания, использующая эти лайнеры, после «Аэрофлота». У российского перевозчика их 49, у мексиканского — 22.

Interjet — единственная коммерческая компания за пределами России, которая использует SSJ, отмечает старший научный сотрудник Института экономики транспорта и транспортной политики НИУ ВШЭ Андрей Крамаренко. Сейчас авиакомпания ищет покупателей на все принадлежащие ей самолеты, один из которых поврежден и не подлежит ремонту.

Причина такого решения Interjet — тяжелое финансовое положение. Авиакомпания стала проигрывать конкуренцию другим перевозчикам, национальная мексиканская валюта, песо, обвалилась, а керосин подорожал. Исполнительный директор агентства «АвиаПорт» Олег Пантелеев добавляет, что в случае с мексиканской авиакомпанией проблемой стала и труднодоступность запчастей — Interjet не могла своевременно получать исправные детали. «Это в результате стало приводить к простоям и дальнейшему ухудшению финансового положения перевозчика. В моем представлении вместо того, чтобы обеспечивать сложную, дорогостоящую и опытную логику ради одного эксплуатанта на всем континенте, имеет смысл задуматься над тем, чтобы вернуть эти самолеты в Россию, где обеспечить поддержание их летной годности будет на порядок проще», — считает он.

Главный редактор портала Avia.ru Роман Гусаров отмечает, что с начала эксплуатации мексиканской авиакомпанией SSJ100 поменялся рынок. «Когда Interjet начинал летать на этих самолетах, они работали на тех маршрутах, где полетов практически до этого не было и пассажиропоток был маленький. Поэтому они и взяли эти самолеты. Но люди распробовали, раскатали маршрут, и стали летать в больших объемах пассажиры. Соответственно, авиакомпании стало выгодно летать на больших самолетах. Выполнить один рейс на большом самолете, конечно, выгоднее, чем два на SuperJet. Поэтому они стали менять их на самолеты большей вместимости», — объясняет он.

В «Гражданских самолетах Сухого» утверждают, что Interjet не собирается полностью отказываться от SSJ100. «Прорабатывается вопрос о частичном перераспределении флота авиакомпании. Изменение интенсивности эксплуатации самолетов SSJ100 в мексиканской Interjet — результат различных факторов, включая экономическую ситуацию в транспортной отрасли страны», — сообщили РБК в ком-

пании. Официально компания об отказе от SSJ100 не сообщала.

Помимо этого днем ранее РБК рассказал о письме главы ФАС Игоря Артемьева в правительство. Он утверждал, что эксплуатация иностранных самолетов-аналогов в два раза дешевле. Из-за этого усредненная цена на маршрутах, где пассажиров перевозит SuperJet, на 20% выше, чем на таких же маршрутах с иностранными самолетами. Для решения этой проблемы Артемьев предложил субсидировать из бюджета расходы на лизинг SuperJet 100 и минимизировать затраты при простоях самолетов.

«Невозможно посчитать среднюю стоимость билета на конкретный SuperJet», — отмечает Крамаренко. Он добавляет, что у самолета меньших размеров всегда стоимость так называемых креслокилометров выше из-за его размеров. «Никто и никогда не считает стоимость перелета на каждом конкретном направлении, как не рассчитывается стоимость конкретного воздушного судна. Если компания несет повышенные расходы по обслуживанию SuperJet, то это раскладывается на все рейсы компании, на все направления, а не только там, где летает SuperJet», — объясняет Гусаров.

ФАС указывает, что тенденция наблюдается на маршрутах, где «Аэрофлот» использует SSJ. «Возникает резонный вопрос: «Аэрофлот», который позиционирует себя как премиальный перевозчик, — один из самых дорогих на российском рынке. Может быть, разница в цене связана не с типом воздушного судна, а с тем, какой сервис предоставляется на борту?», — говорит Пантелеев.

При этом приобретать SuperJet для российских авиакомпаний достаточно выгодно. По мнению экспертов, существующие меры поддержки самолетов этой модели достаточны. «Вопрос заключается в том, что нужно в конце-то концов заняться и самолетом, а именно заменить поставщиков тех агрегатов, чья надежность вызывает наибольшее количество претензий, и продолжать формировать склады запчастей, чтобы любой отказ, любая неисправность не приводили к длительному простоев самолета на земле», — говорит Пантелеев. Он отмечает, что решить эту проблему без государственной поддержки будет сложно, так как создание системы послепродажного обслуживания стоит достаточно дорого.

Выручка от продаж SSJ100 в первом полугодии этого года снизилась более чем в семь раз по сравнению с тем же периодом прошлого года. При этом «Аэрофлот» по-прежнему планирует закупить самолеты этой модели, в общей сложности 100 лайнеров к 2026 году.

Мария ЕФИМОВА, «Новая»

Большой обмен заключенными в формате «всех на всех» между Украиной и Россией обсуждался давно и на разных площадках, но впервые предметно об этом заговорили во время совместной пресс-конференции 15 июля уполномоченные по правам человека Людмила Денисова (Украина) и Татьяна Москалькова (Россия). Москалькова тогда приехала в Киев, чтобы провести ревизию заключенных россиян и вообще лиц, в освобождении которых заинтересована Москва, а также посетить судебное заседание по продлению ареста Кириллу Вышинскому — главному редактору РИА «Новости-Украина», которого обвиняют в госизмене. Через два дня в Лефортовском суде в Москве должны были продлевать арест 24 украинским морякам и военным, задержанным российскими пограничниками в ноябре 2018 года у берегов Крыма и обвиняемым в незаконном пересечении государственной границы.

Многие наблюдатели ожидали, что Вышинского отпустят из СИЗО под домашний арест, а в ответ из-под ареста с обязательством явиться в дальнейшем в суд выйдут и украинские моряки. Но этого не произошло: заседание Подольского районного суда Киева, где должны были продлевать меру пресечения журналисту, неожиданно не состоялось — один из судей находился в совещательной комнате по другому процессу. А украинским морякам суд продлил арест на три месяца. Москалькова увидевшая с Вышинским, выступила вместе с украинской коллегой перед журналистами и вернулась в Москву. Вслед за ней поехала Денисова со списком украинских граждан, содержащихся под арестом или в заключении в России. Почти все они признаны правозащитными организациями, в том числе движением «Мемориал», политзаключенными.

Если в Киеве омбудсмены говорили прежде всего о гуманитарной помощи заключенным обеих стран, то в Москве речь зашла уже об их освобождении. «Приветствую... договоренности между украинской и российской стороной, которые могут способствовать быстрейшему возвращению граждан в свои дома, семьи, к нормальной жизни, о которой мечтает каждый человек», — заявила тогда Москалькова. Список российской стороны неизвестен до сих пор, хотя после «ревизии» Москалькова озвучила конечную цифру в полсотни человек, из которых 27 находятся в местах лишения свободы, а остальные — на свободе.

«Я тоже привезла вам список, который содержит 150 кейсов. Это граждане Украины, которые содержатся на территории Российской Федерации и в Крыму, в том числе 24 моряка», — заявила Людмила Денисова в Москве. Очевидно, что в этот список входили все украинские политзаключенные, включая крымских мусульман, обвиняемых в участии в запрещенной и признанной в России террористической организации «Хизб ут-Тахрир». Омбудсмены обменялись списками, заверили, что это лишь начало, а «дорожная карта» дальнейшего взаимодействия уже разработана, и с этого момента сообщения о возможном освобождении заключенных обеих стран стали поступать постоянно.

Встречи Москальковой и Денисовой сначала в Киеве, а потом в Москве разительно отличались от предыдущих, ведь

отношения между омбудсменами были сложные. Денисова уже приезжала в Россию, пытаясь посетить украинского режиссера Олега Сенцова в колонии в Лабытнанги, но ее к нему не допустили, также как к украинскому националисту Николаю Карпюку, содержащемуся во Владимирском центре. Действия обоих омбудсменов тогда напоминали дипломатическую дуэль, в которой украинская сторона явно не выглядела выигрывающей.

Все изменилось после звонка президента Украины Владимира Зеленского Владимиру Путину 11 июля. Точное содержание разговора неизвестно, но в официальном сообщении на сайте украинского президента «вопрос освобождения пленных военных моряков», а также «возвращение других украинских граждан, которые содержатся на территории России», назван ключевым. Через месяц, когда об освобождении политзаключенных стали говорить, перечисляя конкретные фамилии, Зеленский, выступая на Международном ветеранском и волонтерском форуме в Киеве, сказал, что занимается этим вопросом лично. «Дайте мне выполнить свое дело. Я обещал народу Украины, что мы вернем пленных, вернем моряков, мы прекратим войну. Я этим занимаюсь лично. Я не знаю, кто там что говорит, кто чем занимается. Дайте мне сделать мое дело. Мы ждем результатов шаг за шагом. Первые результаты должны быть уже в ближайшие дни. Не хочу загадывать, если можно», — осторожно заявил Зеленский.

Со стороны Владимира Путина никакой очевидной реакции на процессы обмена и освобождения заключенных не поступало, но пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков подтвердил, что контакты по этому вопросу между главами государств ведутся. Он же подтвердил участие президента Франции Эмманюэля Макрона в переговорах об освобождении.

Результаты этих переговоров стали очевидны, когда стало известно о пропаже украинских заключенных, которые отбывали наказание в российских колониях. 16 августа адвокат Ольга Динзе рассказала об исчезновении из колонии Торжка крымчанина Владимира Балуха, осужденного сначала по обвинению в незаконном обороте боеприпасов и взрывчатых веществ, а позже в нападении на начальника Раздольненского изолятора, где он содержался во время судебного процесса. Ему в колонию написала сестра, однако письмо пришло обратно из-за отсутствия адресата. Адвокат попыталась уточнить местонахождение Балуха, но в колонии лишь сказали, что заключенного этапировали в Москву. Адвокат проверила СИЗО «Бутырка» — там Балуха не оказалось. Позже он обнаружился в Лефортово.

Через три дня после «пропажи» Балуха адвокат Алексей Барановский обнаружил, что из Владимирского централа выбыл Николай Карпюк, осужденный по обвинению в участии в первой чеченской войне на стороне сепаратистов. Адвокат попытался передать Карпюку передачку, однако в тюрьме посылку не приняли, заявив, что «адресат выбыл». Адвокат тогда отметил, что неожиданное перемещение политзаключенных «вызывает сдержанный оптимизм», подразумевая возможный обмен.

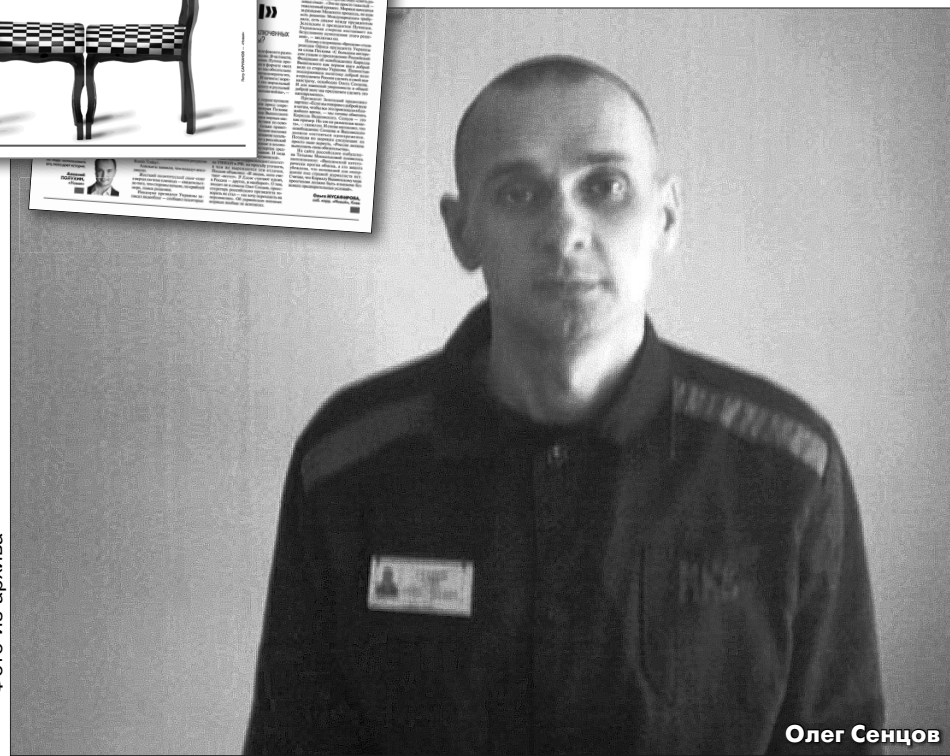
О том, что фигурант дела Сенцова анархист Александр Кольченко также выбыл из колонии № 6 в Копейске, его родным стало известно примерно в это же время, но информацию об этом решили гласности не предавать. О том, что из СИЗО в Ростове выбыл Павел Гриб — украинский студент, осужденный по обвинению в подготовке теракта, неофициально подтвердили в украинской консульской службе.

Но никаких подробностей не было известно, пока 20 августа активистка Виктория Ивлева не смогла косвенно подтвердить, что в Лефортово находятся Кольченко, Балух, Карпюк и еще один фигурант «чеченского дела» Станислав

Клых, а также Павел Гриб. Ивлева собрала передачи для украинских политзаключенных, и их приняли в изоляторе, чего не могло бы произойти, если бы их там не было. На следующий день Ивлева таким же образом «нашла» в изоляторе украинского журналиста Романа Сущенко, осужденного по обвинению в шпионаже, Алексея Сизоновича — пожилого жителя Краснодона, обвиненного ФСБ в подготовке теракта в Каменск-Шахтинске, а также одного из фигурантов дела «крымских диверсантов» Евгения Панова, обви-

**Москва и Киев
готовятся к масштабной
гуманистической
операции, за скобками
которой останутся
самые «дорогие»
политзеки — Сенцов
и Вышинский**

Обменный <<Всех

Олег Сенцов

ненного в подготовке диверсий в Крыму. Ивлева на протяжении двух дней писала о том, кого удалось обнаружить в СИЗО в Facebook, за что подверглась критике со стороны родственников и украинских правозащитников, которые безуспешно пытались сохранить в тайне всю ситуацию или хотя бы имена своих родных, боясь, что публичность может помешать переговорам. В том числе из-за этого точное количество украинских политзаключенных, свезенных в Москву, так и осталось неизвестным. Передачку на имя Олега Сенцова в изоляторе не приняли.

На следующий день после первых сообщений о том, что Балух, Кольченко, Карпюк и Клых в Лефортово, адвокаты, представлявшие их интересы, попытались

попасть к ним на свидание, но, не получив разрешения от руководства СИЗО, пришли на следующий день. К этому времени начальник отдела режима и охраны Лефортово Александр Ханов подтвердил Общественной наблюдательной комиссии, что украинцы находятся в его ведении, но отказываются с кем-либо встречаться. На следующий день выяснилось, что отказ распространяется и на адвокатов.

После этого стало очевидным, что между Украиной и Россией предполагается обмен заключенными, которых обе стороны называют политическими и незаконно удерживаемыми. Непонятно, какая процедура будет для этого применена. Российский «Интерфакс», ссылаясь на осведомленный источник, написал,

До 11 июля действия
обоих омбудсменов
тогда напоминали
дипломатическую
дуэль, в которой
украинская сторона
явно не выглядела
выигрывающей

РИА Новости

курс — на всех»». Ну почти

Кирилл Вышинский

что заключенные «могут быть выданы на родину для отбывания наказания». Такой формат уже использовался российской стороной, когда Украине был передан житель Луганской области Сергей Литвинов, обвиняемый СК РФ сначала в массовых убийствах, а когда обвинение не подтвердилось, — в грабеже. В начале 2019 года он был передан Украине, отбыл в колонии еще четыре месяца срока заключения, после чего был помилован президентским указом Владимира Зеленского.

В случае с Литвиновым о его статусе политзаключенного в Украине первоначально попросту забыли, а освободили после того, как журналисты «Громадского ТВ» нашли его в украинской колонии. Украинские правозащит-

ники, которые пытались добиться его освобождения по УДО без привлечения лишнего внимания, опасались, что освобождение Литвинова может вызвать претензии со стороны России в нарушении договоренностей об экстрадиции для отбывания наказания и закрыть такую возможность для всех остальных заключенных. Однако помилование Литвинова российская сторона никак не прокомментировала, и в отношении других украинских политзаключенных такой же формат освобождения обсуждается и сейчас, несмотря на очевидное противоречие с международными договоренностями двух стран. Заявление об экстрадиции для отбывания наказания на родине, например, Карпюк и Клых написали почти сразу

после приговора, однако ход ему не давала именно российская сторона.

Еще один из вариантов освобождения, также уже использующийся ранее, — взаимное помилование. В июне 2016 года в Украину после помилования вернулись Юрий Солошенко, осужденный по обвинению в шпионаже, и фигурант дела Сенцова Геннадий Афанасьев. В ответ Петр Порошенко помиловал одесских активистов Елену Глишинскую и Виталия Диденко, обвиняемых Украиной в сепаратизме. Причем у последнего приговор в силу не вступил, что не помешало президенту его помиловать. Российская сторона, когда речь заходила об освобождении самого известного украинского политзаключенного — Олега Сенцова, неоднократно настаивала на том, чтобы он лично написал прошение о помиловании. Оно не предполагает обязательного признания вины, однако легитимизирует решение суда. Как в таком случае быть, например, Владимиру Балуху, которого приговорил в Крыму суд, решения которого не считаются легитимными с точки зрения международного права, — непонятно.

Тем не менее РБК заявил, что число заключенных, которых намерены так или иначе освободить, — 33 с каждой стороны. В украинский список из известных имен, судя по всем непроверенным и отрывочным данным, входят 24 моряка и военных, задержанных осенью прошлого года, — Александр Кольченко, Карпюк и Клых, Владимир Балух, Павел Гриб, Алексей Сазанович, Евгений Панов, Роман Сущенко и еще один неизвестный. Наиболее возможным претендентом является Валентин Выговский, осужденный по обвинению в шпионаже.

Российский список гораздо менее очевиден. Как таковой процедуры обмена, без отбывания наказания и помилования, законодательства обеих стран не предусматривают, тем не менее год назад, когда об освобождении заговорили в очередной раз, 22 россиянина, содержащиеся в заключении в Украине, написали на имя Владимира Путина заявление с просьбой вернуть их на родину, обменяв на украинских политзаключенных. Уполномоченный по правам человека в Украине Людмила Денисова сообщила тогда, что все заявления были направлены дипломатической почтой в администрацию президента России. Последовал ли какой-то ответ на них — неизвестно. Ирина Геращенко, занимавшая тогда пост вице-спикера Верховной рады, комментируя заявления россиян, сообщила, что украинская сторона 13 раз обращалась к российским властям в рамках минской переговорной группы с предложением об обмене, однако без результата.

Из тех российских заключенных, о скором освобождении которых можно говорить утвердительно, — экс-боец спецподразделения «Беркут» Александр Саттаров, судебный процесс над которым по обвинению в участии в «Самообороне Крыма», — военизированной группе, помогавшей российским военным в захвате полуострова, идет сейчас. Адвокат Игорь Свищицкий рассказал, что его подзащитный будет обмениваться на одного из украинских моряков, и это официальная информация. Он же назвал дату обмена, и это единственная дата, которая прозвучала утвердительно, — 28–29 августа. По словам адвоката, об этих датах договорились главы двух государств.

К обмену готовятся также Максим Одинцов и Александр Баранов — бывшие украинские военные, перешедшие в 2014 году на службу в российскую армию. Обоих задержали осенью 2016 года украинские спецслужбы на крымском погранпункте «Чонгар» и обвинили в дезертирстве и государственной измене.

Адвокат Валентин Рыбин, специализирующийся в Украине на защите россиян, утверждает, что к освобождению готовят также Евгения Мефедова — фигуранта «одесского дела» 2 мая 2014 года, когда в результате столкновений проукраинских и пророссийских активистов погибло

Число заключенных, которых намерены освободить, — 33 с каждой стороны

48 человек. Суд на днях изменил ему меру пресечения на личное обязательство и отпустил на свободу для подготовки к обмену.

Никакой информации об освобождении самого известного украинского политзаключенного — Олега Сенцова — нет. Самый ценный политзаключенный с другой стороны — журналист Кирилл Вышинский — отказался участвовать в схеме с обменом, заявив, по словам адвоката Андрея Доманского, что намерен добиваться оправдания в суде, а не выйти по соглашению государств.

Чтобы решить вопрос с Вышинским, в Киев с однодневным визитом прилетела Татьяна Москалькова, но добились она результата или нет, пока неизвестно.

Одновременно в Киеве над юридическим оформлением обмена работает Людмила Денисова, для которой возвращение украинских политзаключенных может стать последним действием на этом посту: Шевченковский районный суд Киева несколько дней назад обязал Государственное бюро расследований возбудить против Денисовой уголовное дело о превышении должностных полномочий и злоупотреблении властью. Подробностей в едином реестре уголовных дел нет, но очевидно, что речь идет о договоренностях Денисовой с бывшим главой Окружного административного суда Киева Павлом Вовком по поводу несоответствий в декларации омбудсмена за 2018 год. Проблемы с налоговой отчетностью Денисова тогда решила, а Вовк, если верить записям прослушки, которую вели оперативники управления спецрасследований Генпрокуратуры, отзывался о Денисовой следующим образом: «Яйца этой уполномоченной у нас». Украинские правозащитники потребовали по меньшей мере снять Денисову с должности, однако в процессе обмена заключенными она пока что участвует.

С 2014 года в Украину из заключения в России вернулись лишь трое политзаключенных, которых помиловали, — Надежда Савченко, Афанасьев и Солошенко. Из Крыма в 2017 году были переданы через Турцию после секретного помилования, текст которого до сих пор неизвестен, заместители главы Меджлиса — органа местного самоуправления крымских татар, запрещенного в России, Ильми Умеров и Ахтем Чийгоз. Сергей Литвинов был направлен в Украину отбывать наказание, но был также освобожден. Остальные заключенные, преследование которых Украина считает политически мотивированным, возвращались либо по УДО, либо вовсе после отбытого срока заключения. Предстоящий обмен, в какой бы форме он ни произошел, может стать крупнейшим гуманитарным шагом с обеих сторон конфликта. Но из крымчан в списке украинской стороны — только Балух и Кольченко, украинское гражданство которых Россия не оспаривает, хотя ранее и заявляла, что у Кольченко имеется российский паспорт, полученный автоматически, без его желания. При этом число политзаключенных среди крымских татар и крымчан, в том числе тех, у кого приговоры вступили в силу, уже больше семидесяти. Их освобождение сейчас даже не обсуждается.

Антон НАУМЛЮК —
специально для «Новой»

ГРОМКОЕ ДЕЛО

Суд вынес решение по иску ингушских полицейских, которые не разогнали митинг, а убедили протестующих разойтись

Переход на сторону народа

В Ингушетии под уголовное дело попали полицейские, которые отказались разогнать массовый митинг в Магасе 27 марта. Полицейские считают, что предотвратили кровопролитие, а их руководство — что они не подчинились приказу и воспрепятствовали работе Росгвардии.

26 марта в Магасе состоялся большой митинг: люди возмущались по поводу несправедливой, по их мнению, демаркации административной границы с Чечней. Митинг был санкционирован: организаторы заранее уведомили мэрию города. Акция проходила на центральной площади, куда съехались недовольные со всей республики, а также представители ингушских диаспор со всей страны. Для крохотной Ингушетии земельный вопрос — тема щепетильная. По разным оценкам, крайне полярным, в митинге приняло участие от 1000 до 10 тысяч человек. В ходе мероприятия раздавались призывы к бессрочному протесту, и многие его поддержали. Часть людей не уходила с площади всю ночь, а к утру следующего дня, 27 марта, народу начало прибывать все больше и больше. К тому времени подготовились и власти: в республику были стянуты подразделения Росгвардии из соседних регионов, а собственные полицейские силы приведены в повышенную готовность.

На центральной площади, где собирались люди, выстроились бойцы Росгвардии в полной экипировке, вокруг стояли бэтээры. Когда росгвардейцы попытались разогнать митингующих, в них полетели стулья, бутылки и камни.

В соцсетях разошлись видеозаписи, на которых запечатлено, как в 20 часов 04 минуты ингушские полицейские цепочкой встают между гвардейцами и протестующими. Полицейские о чем-то переговариваются с митингующими. И спустя 2 минуты 38 секунд так же спокойно уходят. Через 15 минут площадь пустеет — протестующие расходятся.

Этим же вечером 27 марта полицейских вызвали в оперативно-разыскную часть — управление собственной безопасности МВД Ингушетии. 17 полицейских отдельного батальона ППС по административной границе с Чечней МВД Ингушетии получили дисциплинарные взыскания за «поведение, порочащее честь и достоинство сотрудника полиции», и были уволены из органов внутренних дел. А спустя два месяца, в мае, ГУ Следственного комитета по СКФО возбудило против них уголовное дело. Полицейских обвиняют в неисполнении сотрудниками органа внутренних дел приказа начальника — ч. 2 ст. 286 УК РФ, прим. 1, наказание по которому предусматривает принудительные работы до двух лет либо лишение свободы до двух лет.

Четверо из уволенных полицейских согласились давать показания на коллеге и опознавать их: все они на митинге были в масках. Тех, кто согласился подтвердить версию следствия, обещают к восстановлению на работе. Версия следствия же состоит в следующем: «перед очередной попыткой ФСВНГ России (Росгвардия. — И. Г.) восстановить общественный порядок, <...> а именно для последующего силового вытеснения участников митинга с пло-

щади», полицейские, которые стояли в оцеплении, не подчинились приказу начальника охранять порядок и для «дискредитации органов внутренних дел среди населения <...> покинули место несения службы и примкнули к участникам митинга: сотрудники последовали шеренгой и расположились спиной к участникам митинга, прикрывая собой их противоправные действия и оказывая им физическую, а также моральную поддержку», чем воспрепятствовали работе Росгвардии», — говорится в обвинительном заключении.

— Никакого приказа о разгоне митинга у нас не было. Мы должны были просто стоять в оцеплении и не пускать митингующих на проезжую часть, — рассказал «Новой» один из фигурантов уголовного дела. — Мы пришли на площадь, увидели людей: впереди стояли ряды стариков, а за ними разгоряченная молодежь. Мы сразу же оценили ситуацию: если росгвардейцы выдвинутся и дойдут до стариков, и старики пострадают, то молодежь просто так не разойдется. Начнется жестокое столкновение, и это будет уже преступление в масштабах республики: моментально весть разлетится, и люди будут звать друг друга на подмогу. Стариков избивают? Съедется вся республика. У нас же такой менталитет: стариков трогать нельзя. Местных же сотрудников старики могут послушаться.

Мы подошли к металлическим ограждениям, где были митингующие, и загнали туда тех, кто пытался прорваться через них, затем аккуратно завели туда же стариков. Объяснили, что сейчас будет применена физическая сила, все на вашей совести будет. Нас послушали. Митинг разошелся через 15 минут.

Уволили нас незаконно. Дисциплинарное взыскание нам подписал Дмитрий Кава — на тот момент уже бывший глава МВД Ингушетии, именно 27 марта его отстранили от должности. Согласно закону, дисциплинарное взыскание может быть оформлено только после взятия объяснений у сотрудников. А у нас брали объяснительные с 21 до 23 часов вечера в тот день. Кава на тот момент уже покинул свой пост. Получается, взыскания на нас оформили задним числом. А 29 марта врио главы МВД Муравьев нас увольняет».

Полицейские подали гражданский иск в суд, оспаривая увольнение. В суде они заявляли, что перед увольнением с ними никто не проводил беседу, и служебной проверки не проводилось, как того требует закон. Судебное рассмотрение иска затянулось на несколько месяцев и, наконец, 19 августа в его удовлетворении полицейским было отказано.

Пока тянулся этот процесс в Ингушетии, Главное управление Следственного комитета по СКФО возбудило уголовное дело о превышении должностных полномочий в отношении 13 полицейских за неподчинение приказу начальства. Десятерым обвинения уже предъявлено, трое ждут своей очереди.

Ирина ГОРДИЕНКО, «Новая»

«Когда рубище ЧТО

За что в тюрьму хотят посадить последнего русского юродивого — защитника Шиеса Древарха

В пятницу архангельскому активисту Древарху Просветленному (Андрею Христофорову) предъявили обвинение в нападении на полицейского. Очевидцы происшествия утверждают, что это полиция избила Древарха — инвалида второй группы, который после встречи со стражами порядка попал в больницу. Тем не менее ему грозит 5 лет лишения свободы, что, учитывая три фатальных диагноза, фактически равно смертной казни.

До этого Древархангелу все сходило с рук — и перформанс на Красной площади под именем Дмитрия Медведева, и паспорт на имя Владимира Путина, и еще два десятка паспортов, из череды которых выделяется «Жерар Ксавьемарсельевич Депардьё», и езда на самодельных «древархомобилях» по улицам заснеженного Архангельска, и удобрение третьего срока «гаранта» чистейшим навозом, принесенным на избирательный участок, и шествие с целью взятия штурмом архангельской администрации, которое, впрочем, закончилось дома у Древарха за чаем.

Так за что же государство, четверть века терпевшее художника-акциониста, решило применить к нему высшую меру?

«Ты — дерево,
твое место в саду»

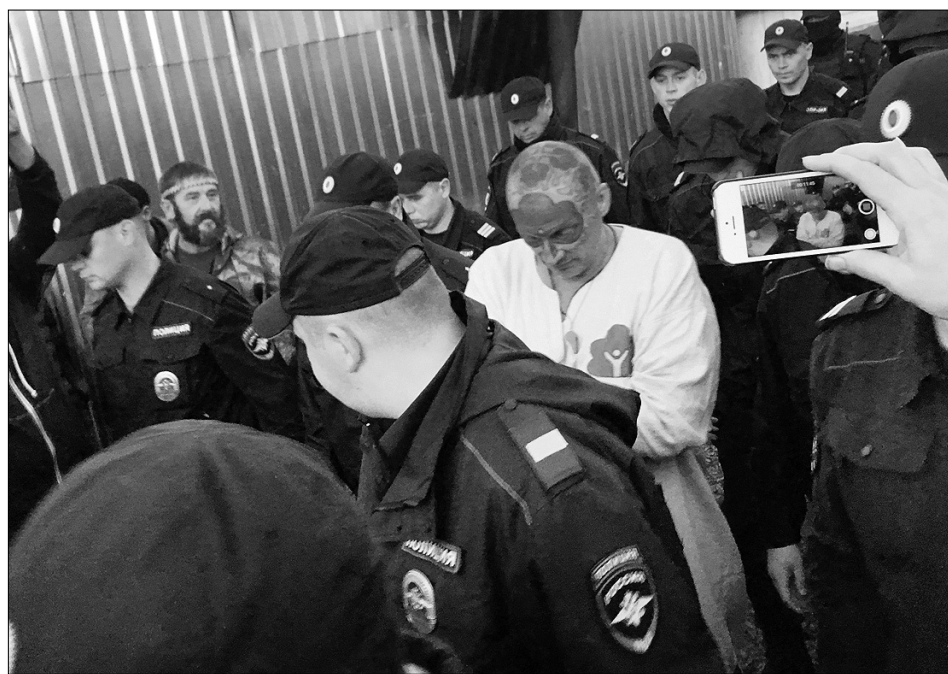
— С праздником нас! — Андрей приветливо покачивает крыльями. Праздник у него каждый день — ежедневно Древарх отмечает день рождения. Что, в общем, при его состоянии здоровья, может быть, и логично — скорую смерть Андрею прочили еще лет шесть назад. Два раза выводили из комы. Помочь может лишь трансплантация. Андрей в некотором роде уже умер — как монахи умирали для мира, — сняв дорогой костюм-тройку и сменив его на рубище.

— Был олигархом — стал Древархом, — Андрей порой говорит в рифму. Олигархом он был в 90-е, сколотив капитал на тюльпанах и нарциссах — фирма Христофорова «Северная роза» обеспечивала выращенными в теплицах цветами всю Архангельскую область. Теперь он сам — дерево. Так он отрекомендовывается везде, утверждая на допросах, что подписывать ничего не будет, так как деревья писать не умеют. Допросов в последнее время у Андрея много, будто нет у архангельской полиции другой заботы, кроме как требовать от крылатого существа ответов на дурацкие вопросы. Разумеется, дурацкие, потому как периодические посадки в ИВС отвлекают от главного дела Андреевой жизни — посадки деревьев.

— Я просто думаю — а дальше-то что? Ты со мной знакомиться приехала, а мне бы надо еще с самим собой познакомиться, я еще сам не знаю, кто я, что я, зачем я. По наитию что-то делаю, что приходит мне, — мы с Древархом гуляем по тропинке близ воинской части в Подмоскovie, за которой — мусорный полигон «Поварово». Против полигона восстали местные жители. В первый день протеста среди них появился зеленолицый архангел с крыльями, заказанными у театральных бутафоров, и татуировкой в виде древесной кроны во все лицо. За лето, до получения подписки о невыезде, ангел-дерево успел объездить почти все горячие точки антимусорных протестов России. Перед возвращением в Шиес, где люди год не дают построить самый большой в Европе полигон, куда будут свозить мусор из Москвы, мы успели записать интервью.

— Не побьют нас? — спрашиваю малодушно, видя, что мы с Древархом неуклонно приближаемся к охраняемым воротам воинской части.

— Что ты, я же твой ангел-хранитель. Ты человек, а я — человек-дерево. И мы самые позитивные люди на планете. Да ты не бойся, нам с тобой везде можно!

надеваешь, понимаешь, ТЫ ОДИН»

— Вам здесь нельзя, — останавливает нас старлей. — У вас признаки несанкционированного митинга есть, а с друзьями вы тут встречаетесь или нет, это где надо потом разберутся, объяснят вам.

— Мне невозможно объяснить, меня здесь на самом деле нет, — Древарх невозмутим и по-детски улыбаясь. — Ангелы же бестелесные. А если вдруг вы решите понять, почему они такие, на этот случай ваш образ со мной остался — я с ним буду разговаривать. Можно?

«Принес себя в жертву — страдай»

— Не в одночасье это случилось со мной. Закончил мореходку, в Мурманске в море ходил. Потом вернулся, учиться пошел, в детдоме работал. В 1994 году зеленое хозяйство у нас продавалось в Архангельске, мы с товарищем его купили за долю малую. И я стал познавать себя через зеленые насаждения. Создал движение «Посади свое дерево». И первое время думал, что через общественную организацию можно зарабатывать деньги. Были у меня заделы — посадить денежные деревья, которые потом стричь или околачивать, как грушу. Было у меня 200 человек работников, я думал, что я себя нашел на том пути — все деньги зарабатывать хотел. И дети ведь у меня есть, хоть я субстанция и нематериальная. Прямо скажем, куча детей, сам удивляюсь — и на левом берегу Двины, и на правом. Род мой вообще с Холмогор, древо свое восстановил с 1590 года, все архивные справки есть, докопался. Христофоровы — все холмогорские. Артель косторезная там была у моего дедушки до 1974 года... Да, так вот стал я в себе копать и понял, что смысл намного глубже, чем все материальное. В 98-м я полностью отказался от всего. Ушел из бизнеса, все оставил первой семье, с предприятием распрощался, чтоб никаких якорей не иметь. И надел рубище. Потом, правда, слух пошел, что я полтора миллиарда обналичил, с обысками два раза приходили серьезные такие люди, в погонах. Я им и сказал — вот 10 гектаров земли, ищите, может, где закопано. Уж не знаю, копали или нет, но больше не приходили. С меня теперь нечего взять, кроме анализов, да и анализы мои так себе, печень больная. А что про это скрывать? Кому интересно, все в «Википедии» про меня написано.

Древарх широко улыбается, задевает меня крылом. Крылышки у дерева-ангела на каркасе, тяжелые, по шву — молния, чтоб постирать можно было. Потому содержит их Просветленный в чистоте, и себя блюдет, дав обет воздержания и целомудрия. Всегда ли ему верен, бог весть. Младших детей, мальчика и девочку, называл Посадом и Посадой. Правда, говорит, как уходил в очередное странствие, жена обиделась и имена им поменяла на Аллу и Андрея.

— Крылья — это недавно, лет пять. Не успел — хотел еще кольца специальные под кожу вживить, чтоб я мог идти

нагой, но с крыльями. Если уж ты принес себя в жертву и стал мучеником за идею — страдай.

Ищешь себя, думаешь, как сделать, чтоб все тебя поняли, узнали, чтоб и малолетнему было интересно, и пенсионеру. Чтобы цель была понятна. Так крылья появились. Моя цель — посадить свое дерево. Просто, даже ребенку понятно. Спрашиваешь людей, какая мечта у них. Говорят: счастье. А счастье — это когда ты нашел себя в этом мире и идешь к цели. И шаги к цели — это кайф, который ты получаешь от жизни, он тебя поднимает утром с кровати, это предназначение твое. Мое предназначение — сажать деревья. С посаженным деревом я каждый день заново рождаюсь. А так бы я должен был умереть давно уже.

берестяной обод на лбу. Татуировки не было еще. Я против татуировок в принципе, это издевательство над собой. Да и больно, когда на лице набиваешь. Я бы сейчас, может, иначе сделал, а уже не переделаешь. Никому не советую. Да и дочь говорит, вот не было бы татуировки на лице, пошла бы со мной куда-нибудь, сели бы мы чай пить. А так стыдно. Я говорю, да кому нужно мое лицо, давай надену паричок, сюртучок... Когда рубище наде-

« Власть упирается, потому что думает, мол, дай людям палец в рот — они руку откусят. Уступи по Шиесу — они, чего доброго, потом потребуют пенсионную реформу отменить. А люди в ответ самоорганизуются »

Во все века со времен рождения Вселенной дерево было образом созидания. Многие не понимают, как можно сажать деревья зимой, например. А ведь деревья разные бывают. Вот у нас с тобой дерево дружбы проросло. Дерево — живое начало, начало жизни. Как дерево растет, так и человек. Вот на Шиесе, к примеру, моя задача не просто чтоб люди деревья начали сажать, но и чтоб с этими деревьями они прозревали. И не только каждый в Сопотивлении обязан посадить дерево. Тот, кто на другой стороне баррикад, тоже пусть посадит. Если одними категориями мыслишь, никакого насилия не будет. Правда, врачи мне настоятельно рекомендовали усвоить, что это бредовая идея, поражающая своей нелепостью.

— У тебя же нет психиатрического диагноза! — уточняю, памятуя, что целая врачебная комиссия несколько лет назад никаких психических отклонений у Древарха Просветленного не нашла.

— Как нет диагноза? Если б у нас с тобой диагнозов не было, мы разве бы тут разговаривали? Мы бы на Бали жили, а ноги бы наши омывал океан. Это же ненормально — быть непонятно где, ехать непонятно куда, непонятно зачем... А нормальным людям, которые без диагнозов, им же все в жизни понятно.

«Сам себя побеждаешь — и летишь»

— Первое время, конечно, люди удивлялись и ржали. Нет пророка в своем отечестве. Корысть подозревали. А я просто ходил в рубище. Лапти носил и

ваешь, сразу понимаешь, что ты один. Остался один. Даже родная сестра меня такого не может принять. Но я не вру, не вру себе. Я мечтаю алгоритм создать, чтоб любому человеку такие крылья бы делали, чтоб он уже никогда не чувствовал себя ущемленным. Чтобы крылья у него были необъятными... Нет, полиция у меня крылья никогда не отнимала. Ну только когда я на новогоднюю елку залез на площади. Но я на нее постоянно залезаю. Я на любой праздник могу прийти. Шутками-прибаутками сам себе делаешь передышку, чтоб мысль поймать.

Древарх снимает похожую на папскую тиару шапочку, под которой обнаруживается металлический массажер для головы.

— Это я древархирую так, ловлю луч. Громоотвод мой. Меня вот держали недавно в этом, как его? Клоповнике? Нет, обезьяннике. Хотя нельзя же меня, у меня инвалидность. А они в меня электрошокерами тыкали. Но моя задача — им пожелать любви и здоровья. Сейчас мое время. Шиес в голове у каждого из нас. Меня спрашивают, как это вы собрались победить? А я победил уже. И ты победил, если готов отдать жизнь. Ты побеждаешь страх перед системой, потребительское отношение к жизни, сам себя побеждаешь — и летишь. Вот они, крылья.

«Бери и делай, Древархушка!»

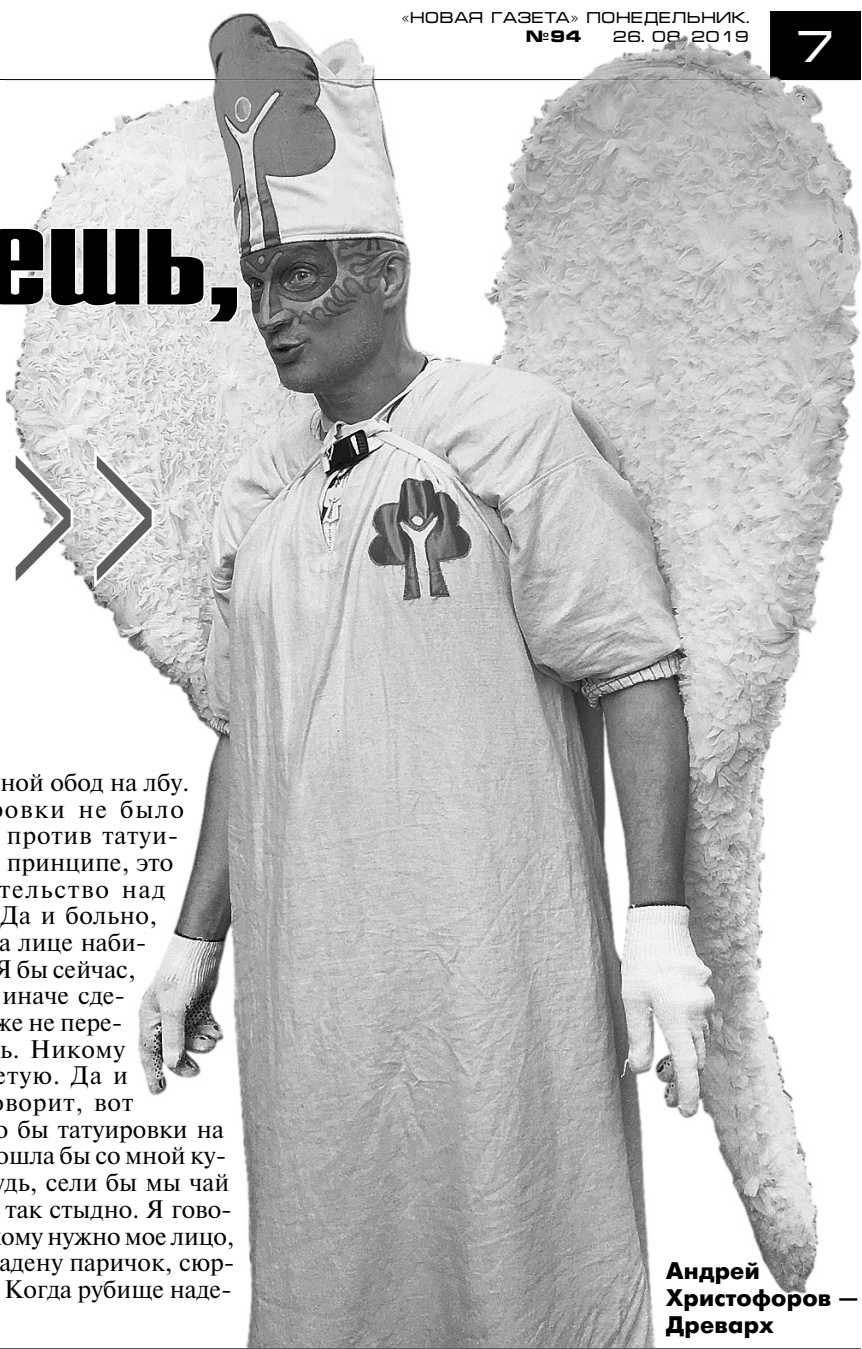
— Власть упирается, потому что думает, мол, дай людям палец в рот — они

руку откусят. Уступи по Шиесу — они, чего доброго, потом потребуют пенсионную реформу отменить или НДС понизить. А люди в ответ самоорганизуются. Для людей это последняя капля, у людей больше веры ни во что нет. Сегодня книжку читал про богатырей русских. В сказках все писано — бери и делай, Древархушка! Ты сам для себя богатырь. Так неужели мы со всеми нашими богатырями не сможем отстоять Михали, Шиес? Год уже люди на Шиесе стоят. Хотя, конечно, в итоге внесут какой-нибудь закон, все сделают легитимным, а потом нас всех зачистят. Но когда там будет не 600 человек, а тысяча, зачистить без крови будет сложнее. А кровь-то все равно будет, только малая. Я и думаю, ищу момент, где мне лучше отдать жизнь за нас всех. А чего? Все равно же умрем. Жена говорит: вот настропалят тебя, ляжешь под вагоны с мусором. Иди, говорит, лучше колодец копай. А я говорю: нет, лучше под Москву поеду, как Минин с Пожарским, ополчение собирать. А кровь-то что? Два раза уже бывало, что с меня по три литра выливалось, с того света вытаскивали. А бог троицу любит. Как меня палками по бокам бить начнут, там уже все и решится. Люди слишком о пустом думают. Я вот снял деньги со счета, что там, какие-то 50 тысяч, люди подбежали — пожертвуйте нам. Я говорю: конечно, только сначала на каждую купюру наклею наклейку — дерево. Древархики я их называю. Один древархик — одна улыбка. Улыбаться надо! Надо себя, как Мюнхгаузен, за волосы из болота вытаскивать.

— А подвиг, — спрашиваю, — по расписанию? 32 марта?

— Подвиг — обязательно. А что 32 марта? Это все люди придумали, что 31 день только может быть и что после марта апрель. А у меня паспорт есть на имя Март Весеннийевич!

Татьяна БРИЦКАЯ,
соб. корр. «Новой»
Фото автора

Андрей Христофоров — Древарх

Юлия Галямина — действующий мундеп и незарегистрированный кандидат в Мосгордуму — отбывает третий подряд срок административного ареста, первый из которых начался еще в июле. На выходе из спецприемника в Можайске 21 августа ей стало плохо — депутату вызвали скорую. Бойцы второго оперативного полка полиции, несмотря на это, отвезли Галямину в ОВД. После чего Тверской суд арестовал ее на очередные 10 суток, в этот раз — за призывы к участию в акции 3 августа, опубликованные в соцсетях. Корреспондентка «Новой газеты» передала с защитником Галяминой Михаилом Бирюковым вопросы в спецприемник на Симферопольском бульваре, где политик проведет ближайшие 10 дней. Депутат ответила нам письменно.

«В спецприемнике буду не сидеть, а готовиться»

Интервью с арестованным мундепом
Юлией ГАЛЯМИНОЙ, которая могла
выиграть выборы

Влад ДОКШИН — «Новая»

— **Вы сидите в спецприемнике в Можайске уже 25 дней, вчера [21 августа] на выходе оттуда и при повторном задержании вам пришлось вызвать скорую. Как чувствуете себя сейчас?**

— Двадцать два с половиной дня. Арестована 30 июля, вышла 21-го в 12.05. Плохо мне стало из-за того, что я увидела мужа и должна была опять с ним расставаться. Это было связано с эмоциональным всплеском. Сейчас я взяла себя в руки — давление нормализовалось. Правда, у меня астма, а в камере курят. Девочки молодцы, ради меня стали курить в окошко, но все равно мне тяжело дышать, начинается бронхит.

— **Расскажите, как проходит ваш день. Чем занимаетесь?**

— В Можайске и в Москве ситуации немного отличаются. В Можайске я была одна в камере, была предоставлена сама себе. Тут у меня соседки — впрочем, очень милые. Мы с ними болтаем, пьем чай. В Можайске я разговаривала сама с собой или с охранниками — здесь с охранниками не поговоришь. Тут конвейер. Утро началось с того, что врубали радио и свет. Волей-неволей проснешься. Радио, кстати, работало весь день, что очень раздражало. Утром я посвящала один час йоге, каждый день наращивая нагрузку. Вечером, перед сном, я делала силовые упражнения — я знаю, что мой тренер Евгений Степаненко будет мной гордиться.

По работе я читала научную литературу (по социолингвистике, социологии, политологии и т.д.). Плюс обязательно вдумчиво прочитывала две страницы по-французски — книжку по философии (в Можайске успела прочитать главу о Декарте). Я давно не занималась этим языком. Было немного сложно. Обязательно занятие английским: учу по учебнику трудную лексику. Плюс занятия по развитию артикуляции (мне надо много публично выступать, я занимаюсь с педагогом). Готовилась к докладу на научной конференции, на которую уже не попаду из-за нового срока. Хотела рассказать о рефлексии кетов (*этнос,*

живущий на севере Красноярского края. — Ред.) о потере их народом языка по материалам глубинных интервью, которые мы брали в экспедиции 2018 года. Отдыхаю я, читая художественную литературу, рисуя, читая стихи (у меня были тома Бориса Пастернака и Анны Барковой). Три романа, так попало, были об Аушвице и Холокосте, один о диктатуре в Доминиканской республике, поэтесса Анна Баркова — о ГУЛАГе. Это помогало примириться с одиночкой в Можайске.

Я много думала, много писала, в том числе в забытом жанре писем. У меня была часовая прогулка и 15 минут звонков — самое долгожданное время. Два раза приезжали муж и сын, приезжал адвокат, сама ездила на суд... В общем, я не скучала. А главное условие физической несвободы открывает другие грани свободы: свобода от информации и наличие свободного времени. Ты вспоминаешь, что такое думать. Думать не о чем-то конкретном, сиюминутном, а медленно размышлять, беседовать с самой собой. Забытое и сладостное чувство.

— **Георгий Албуров из ФБК, отсидевший 10 суток, сообщил, что у арестантов в спецприемнике каждый день воруют одно блюдо из трех. Вы ничего подобного не замечали?**

— Не знаю, у нас был завтрак, обед и ужин. На обед суп и второе. Больше ничего. Но все приемлемо. Правда, каша каждый день одна и та же — ячневая. Но зато супы разные и вкусные.

— **Как вы думаете, почему вас, Илью Яшина, Дмитрия Гудкова и Константина Янкаускаса раз за разом задерживают на выходе из спецприемника и оставляют еще на какое-то число суток в спецприемнике? Какова цель — не дать вам выйти до выборов 8 сентября? Снизить уличную протестную активность?**

Они думают, что протест организуют какие-то лидеры, которые имеют прямую связь с «кукловодами из США». Что, конечно, тяжелый психиатрический диагноз. Но они правды в это верят! И думают, что мы — главные «марионетки Запада», и, изолировав нас, можно снизить уровень протеста, что, конечно, полный бред. Люди выходят

не за лидерами и не ради лидеров. Они выходят, потому что попрали их достоинство.

— **Последний митинг в ваше отсутствие прошел 10 августа — тогда на проспект Сахарова вышло около 60 тысяч человек. На прошлых выходных протест был гораздо «тише»: на одиночные пикеты вышли десятки человек. В эти выходные согласованных мероприятий тоже не будет. Можно говорить о том, что протест «слит» и «обезглавлен»?**

— Люди немного устали, это правда. Но ничего не слито. Даже если не будет огромных митингов (а они, уверена, будут), важно, что и общество, и оппозиция, и власти вышли на совсем другой уровень отношений. Общество и оппозиция получили новый качественно уровень: политические требования и политическая повестка, массовые несанкционированные акции по сугубо политической повестке, отсутствие страха, распределенное лидерство, умение создавать широкое объединение. Эти качества уже никуда не уйдут и приведут к серьезным политическим результатам в ближайшие годы, если мы будем вести себя смело и не допускать серьезных ошибок. Что касается властей, то они впервые настолько открыто показали, что они боятся любой политической конкуренции, — а значит, по сути, очень слабы. С точки зрения нормального демократического взгляда на политику единственное их преимущество — грубая сила силовиков, насилие. А в XXI веке такая сила по определению проигрывает. И сейчас это стало ясно тем, кто раньше об этом не задумывался. Тут полная дискредитация и потеря легитимности.

— **Алексей Навальный из спецприемника опубликовал письмо, в котором заявил, что сейчас в приоритете не выход на уличные акции, а «умное голосование». Вы с ним согласны? Что вы думаете об «умном голосовании»?**

— Я в ближайшее время опубликую свое видение ситуации (через моих соратников). Суть — я поддерживаю кандидата, которого предлагает Навальный, но только при условии, что этот кандидат подпишет под рядом обязательств, которые я четко сформулирую. В частности, внесение ряда

законопроектов и отказ от нацистской и сталинской риторики.

— **Вы один из ответчиков по иску «Мосгортранса», «Автомобильных дорог» и ООО «Анкор» — от вас и других организаторов протестной акции 27 июля требуют 13 млн рублей [после этого иск подал «Московский метрополитен» и ряд других компаний]. Это самостоятельное решение или кем-то подсказанное? Как собираетесь действовать?**

— Все иски поданы собянинскими монополистами, против коррупции с участием которых мы боремся как муниципальных депутаты и как кандидаты в депутаты МГД. По сути, это карманные учреждения Собянина. Цель исков абсолютно понятна — политическое давление. Написаны они крайне бездарно. То, что суд их принял, — тоже политическое решение. В 2016 году коррупционный застройщик парка «Дубки» «ЖСК на Ивановской» (*Галямина имеет в виду ЖК «Тимирязев парк».* — Ред.) уже подали на меня в суд на 1 млн руб. за то, что я остановила пять бетономешалок, борясь с их незаконной застройкой. Но тогда суд даже не принял иск, настолько он был абсурден. Мой юрист вместе с юристами других ответчиков уже работает в этом направлении.

— **Вы собирались оспаривать в Верховном суде отказ Мосгорсуда зарегистрировать вас на выборах. Какого решения вы ожидаете? И что будете делать в случае окончательного отказа?**

— Суд будет в понедельник. Очевидно, что меня ждет отказ. Основной пафос нашей жалобы: через почерковедов и проверку по базе МВД, по сути, исполнительная власть влияет на исход выборов — что противоречит сути избирательного процесса. Ожидая я, конечно, что мне откажут. Буду сидеть в спецприемнике и думать о стратегии своих действий после выхода. Не сидеть, а готовиться.

Лилит САРКИСЯН, «Новая»

Арифметика ГНЕВА

Начало в №92

Пять аргументов в поддержку «умного голосования»

В России обостряется кризис политической репрезентации. Это не просто состояние, когда выборные лица не представляют интересы своих избирателей (об этом россияне знают давно), но когда избирателей перестает это устраивать. На это указывала серия неожиданных результатов на региональных выборах осенью 2018 года, а теперь раскручивание кризиса репрезентации можно как под лупой наблюдать на выборах в Мосгордуму.

В Москве колоссальная асимметрия представительства: «Единая Россия» при рейтинге в 25–35% хочет сохранить подавляющее большинство мест в городском парламенте. В городе возник запрос на появление реальных народных депутатов, и этот запрос блокируется предельно жестким образом, что приводит к росту раздражения. Москвичи разгневаны, и у них для этого есть все основания.

В таких условиях резко возрастают стимулы для протестного голосования, первые эпизоды которого уже можно было наблюдать в прошлом году.

Во-первых, обычно защитой от протестного голосования для администраторов служит деполитизация: те, кто чувствует недовольство, слишком слабо верят в собственную способность объединиться и на что-либо повлиять. В сегодняшней Москве эта защита не работает: во время летней кампании власти успели столько раз демонстративно оскорбить москвичей в целом и отдельные московские сообщества, что от обычного безразличия не осталось и следа. Разнообразные данные показывают, что произвол с регистрацией кандидатов, а тем более разгул полицейского насилия вызвали у москвичей серьезное беспокойство. Особенность нынешней ситуации в том, что она полностью подготовлена к протестному голосованию: мэрия находится в оборонительной позиции и мечтает только о том, чтобы московские настроения не выплеснулись на выборах.

Во-вторых, протестное голосование — простая возможность для каждого горожанина высказать недовольство и заставить с собой считаться. Выборы по 45 округам превращаются в 45 референдумов по простому вопросу о том, хорошо ли это — заявлять москвичам, что их подписи недействительны, а потом зверски избивать избирателей дубинками. Это наиболее действенный способ отдать голос за освобождение москвичей, которых избивали и бросили в тюрьму по делу о несуществовавших беспорядках. 60 000 участников недавнего митинга — свидетельство того, что многие москвичи готовы даже на серьезные усилия для выражения недовольства. Голосование — гораздо более легкое действие. При этом его эффективность может быть выше, чем у митингов, ведь оно позволяет реально сорвать планы московским администраторам и донести до них простую мысль — «так не пойдет».

Московская мэрия с ужасом смотрит на эту перспективу: если выборы действительно превратятся в референдум, у нее нет никаких шансов. Поэтому единственная надежда для мэрии состоит в том, что москвичей удастся сбить с толку набором малопривлекательных кандидатов. Увидев тоскливый набор кандидатов от КПРФ, «Справедливой России» и «Коммунистов России», которые пользуются еще меньшей поддержкой, чем «Единая Россия», избиратели предпочтут остаться дома. Борьба в Москве сегодня ведется вокруг определения смысла голосования 8 сентября: мэрия пытается убедить москвичей, что это выборы, на которых не за кого голосовать, в то время как демократические политики доказывают,

что это референдум об одобрении «Единой России» и стоящих за ней полицейских мер. Критерий эффективности административной пропаганды очень прост: чем больше людей решит, что идти на выборы нет смысла, потому что никакого выбора нет, тем более успешна пропагандистская обработка.

В-третьих, протестное голосование эффективно. Математика московских выборов такова, что даже у небольшого протестного голосования может быть очень высокая результативность. Поскольку явка на выборах в Мосгордуму в прошлый раз составила всего около 20%, для победы на них достаточно мобилизовать всего 7% избирателей — это позволяет получить 36% голосов и выиграть выборы, которые проводятся в один тур. В абсолютных числах это означает, что судьбу округа в Москве обычно решают всего несколько тысяч голосов. Достаточно даже, чтобы те, кто подпался за независимых кандидатов, пришли участвовать в протестном голосовании, чтобы кандидаты от «Единой России» уперлись в потолок: если 7–10% не хватит для победы, то больше они мобилизовать при нынешнем уровне любви к партии в Москве не в состоянии.

По последним прогнозам, явка в Москве ожидается на уровне 30% — и это плохой сигнал для «Единой России», ведь основная часть дополнительных 10% придет голосовать против нее. В таких условиях значимость каждого голоса серьезно возрастает: это как раз тот случай, когда он действительно может стать решающим. В Москве именно это произошло два года

назад на муниципальных выборах, где появление даже нескольких десятков сторонников кандидата позволяло ему избраться.

В-четвертых, побочным результатом референдума может стать повышение качества репрезентации. В системах представительной демократии ключевое значение имеет не то, кого выбирают, а то, кто выбирает. Иными словами, депутат всегда склонен ориентироваться на интересы тех, благодаря кому он попал в парламент. Если это случилось исключительно благодаря аппарату, то он будет работать на аппарат. Собственно, именно поэтому депутаты от «Единой России» столь неубедительны в качестве представителей: дело не в том, что это какие-то особенно плохие люди, а в том, что они обязаны своим местом исключительно административной мобилизации.

Важно, что бенефициарами протестного голосования станут не партии, а конкретные кандидаты, и контролировать их избирателю в московском округе гораздо проще, чем воздействовать на партийное начальство. Нужно понимать, что значительная часть активистов в этих партиях находится в них как раз в поиске такой ситуации, которая позволила бы им стать самостоятельными фигурами. По целому ряду московских округов «СР» и КПРФ выдвинули кандидатов, которые смотрят на Миронова и Зюганова примерно так же, как московская молодежь смотрит на кремлевских геронтократов. Голосование за этих кандидатов внутри партий воспринимается как голосование против Зюганова и Миронова и за более самостоятельный курс.

Если сегодня москвичи не только не видят своего городского депутата, но и не знают его по имени, то ресурс протестного голосования буквально толкает кандидатов к более тесному взаимодействию с избирателем. Именно в этот момент у избирателей появляется возможность давать кандидатам конкретные наказы и добиваться контроля за их исполнением. У не допущенных к выборам независимых кандидатов, в свою очередь, появляется возможность предъявлять партийным кандидатам требования по реализации той программы, которую независимые кандидаты собирались проводить в округе и благодаря которой они пользуются поддержкой. Такие требования могут стать условием поддержки со стороны независимого кандидата (которая означает большой шанс на победу), и во многих округах уже видно, что партийные кандидаты склонны в поисках этой поддержки вступать в контакт с независимыми кандидатами и прислушиваться к их избирателям.

Можно ли ожидать, что партийные кандидаты будут хорошо представлять своих избирателей, попав в Мосгордуму? Это зависит от баланса сил. Правда состоит в том, что партии вроде КПРФ и «СР» всегда следуют за тем, у кого сила. Однако при этом не стоит забывать, что сегодня сила в Москве не на стороне мэрии, а как раз на стороне разозленных москвичей. До тех пор, пока это так, партии будут частично ориентироваться на запросы горожан.

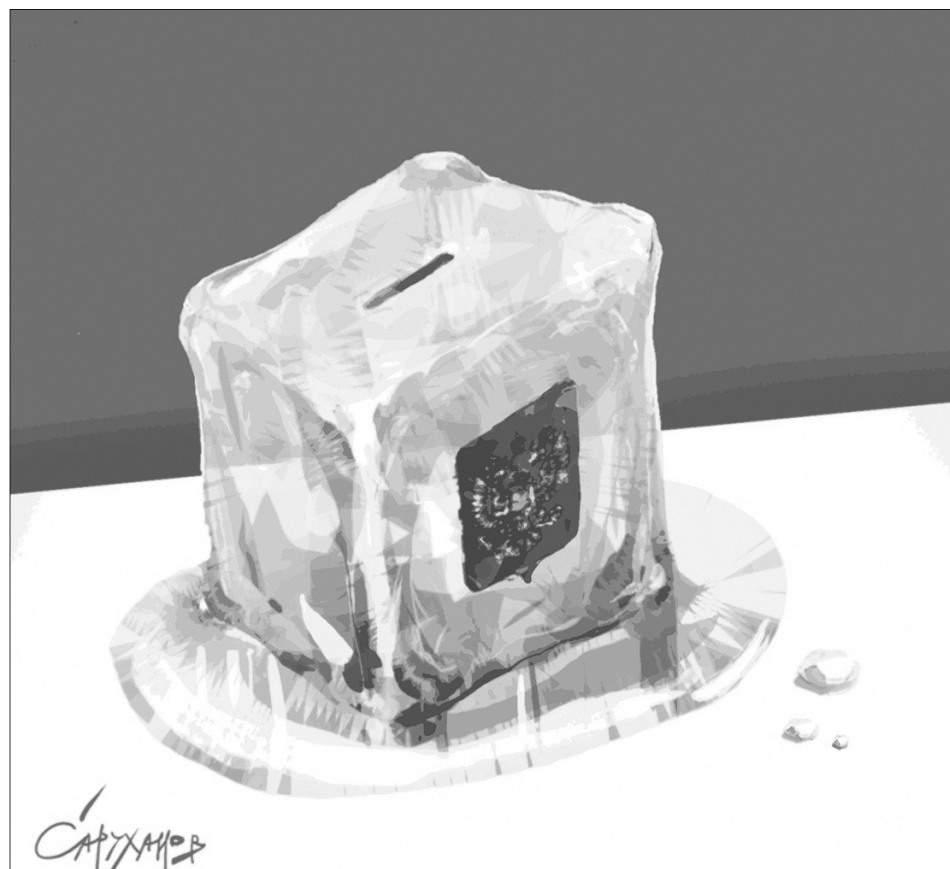
Наконец, перспектива протестного голосования ставит естественную задачу координации. Российские выборы устроены так, что обществу надо договориться по вопросу о том, какое поведение будет означать «черную метку» администрации. Именно эту проблему предлагает решить сайт «Умное голосование» — выбрать кандидата, который будет означать «я против», чтобы протестные голоса не расплылись между кандидатами. По понятным причинам, лучше всего выбирать в качестве такого тарана того, кто имеет наилучшие шансы на победу.

Московская мэрия уже показала, что «умное голосование» она считает для себя основной угрозой. Это наиболее эффективный способ превратить кастрированные выборы в протестный референдум. Первый же эксперимент продемонстрировал силу этой модели: как только Илья Яшин порекомендовал голосовать за коммуниста Владислава Колмагорова по своему 45-му округу, Колмагоров тут же сняли с выборов. Причину честно сообщил сам Колмагоров: мэрия считает, что при объединении голосов Колмагоров выиграет у административного кандидата Валерии Касамары.

Разумеется, решение о том, как проголосовать, остается личным выбором каждого избирателя. Однако зарегистрироваться на сайте «Умного голосования» целесообразно — это не влечет за собой никаких обязательств, и при этом дает возможность узнать, как в данном округе эффективнее всего выразить протест. В конце концов, даже на нормальных выборах решение о голосовании граждане обычно принимают с учетом шансов кандидатов.

Следует помнить, что причиной скандальной кампании по выборам в Мосгордуму стала системная проблема, которая в ближайшем времени нигде не исчезнет. Москвичи раздражены тем, что их мнение о судьбе города никого не интересует — что московская мэрия едет как каток, не обращая внимания на город и горожан под своими колесами. На их желание влиять на городскую политику ответом был грубый отказ, избивания и аресты. В сложившейся сегодня политической ситуации у москвичей есть все ресурсы, чтобы остановить спятившую машину и заставить с собой считаться.

Григорий ЮДИН —
специально для «Новой»

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Что произошло 27 июля в Москве на Тверской и в переулках поблизости?

— Мирная акция протеста, защищаемая Конституцией и международными договорами, не требующая согласования, о которой власти знали. Они обязаны были обеспечить ее безопасность, но вместо этого сделали ровно наоборот. А потом еще арестовали людей за участие в этой акции протеста.

— Ты ожидал возбуждения дела по 212-й статье УК (массовые беспорядки)?

— Такая вероятность после «болотного дела» всегда существует. Оно длилось пять или шесть лет, да и потом были уголовные дела по 318-й статье УК (применение насилия в отношении представителя власти) по итогам акций протеста. Это была перманентная реальность, а не то, что происходило когда-то в прошлом. Любой тактильный контакт с полицейскими резко повышает шансы на уголовное дело.

Поэтому никто не удивился. Но с другой стороны, с осени 2016 года, когда Кириенко пришел в АП на место Володина, мы наблюдали постоянное снижение уголовного прессинга как метода внутренней политики. Политически мотивированных уголовных дел становилось все меньше и меньше.

— А почему тогда не ограничились несколькими делами по 318-й, а завели общее дело по 212-й?

— Это ключевой момент. 212-я является мостиком между отдельными 318 статьями, мостиком на организаторов, мостиком на ранее возбужденную 141-ю статью УК (воспрепятствование работы избиркомов) и последующую 174-ю статью УК (отмывание денежных средств). Плюс еще уголовочка за неисполнение обязанностей родителей (156-я статья УК), дело Силицы (статья 282.2 УК) и «дадинская» статья 212.1 УК у Котова.

212-я связывает все воедино, и если ее изъять, то все просто рассыплется на осколки и самостоятельные эпизоды.

Продажа произошедшего публике именно в таком виде — это политическая воля, а не эксцесс исполнителя. Нет в правоохранительных органах человека, который посмел бы без согласования сверху возбудить дело по такой статье. Это исключено!

И решение приняли явно не те люди, которые отвечали последние три года за внутреннюю политику.

— То есть это условный [директор ФСБ Александр] Бортников?

— Очень хороший вопрос. Последние три года монополия на политические уголовки в стране принадлежала ФСБ. По ощущениям разделение было именно такое: гражданская активность в целом курируется Управлением внутренней политики АП, а за сектора, связанные с нацбезом, шпионажем, терроризмом, экстремистскими сообществами, по традиции отвечает ФСБ.

И в этом секторе происходило наращивание уголовного прессинга. Контора в эти три года активизировалась. Уши конторы торчали во всех громких делах — «Артподготовки», «Сети» (запрещенные в России террористические организации. — Ред.), «Нового величия» и так далее. А здесь мы их не видим. Нет ощущения, что за 212-й стоит ФСБ.

— А «торчат уши» ФСБ — это как?

— Это оперативное сопровождение, это первоначальные рапорты, это какие-то письма с вежливой просьбой обратить внимание на что-то, это прямое предварительное следствие.

Это даже читается по словам. Грубо говоря, если текст вышел из недр ФСБ, то это видно. Я давно работаю и интуитивно чувствую, где написан тот или иной текст — в СК, в полиции, в АП или в ФСБ. Маркеры везде стоят четкие.

Вообще, это очень интересный момент, ведь если ушей ФСБ тут нет, то, значит, есть какая-то причина, значит, тут какая-то принципиальная позиция.

— Так, а кто тогда?

Фото: ДЖАВАНДЗЕ / ТАСС

Правозащитная группа «Агора» защищает большую часть арестованных по делу о массовых беспорядках в Москве 27 июля, более 20 ее адвокатов помогают сотням задержанных на протестных акциях этого лета. Руководитель «Агоры» Павел Чиков — один из основных источников информации по политически мотивированным уголовным делам в России. Специальному корреспонденту «Новой газеты» Илье Азару, который съездил в офис «Агоры» в Казани, Чиков рассказал про возможный перелом в «московском деле», почему в нем не торчат уши ФСБ и о том, как «Агоре» удалось победить репрессивную машину в делах по экстремизму, сепаратизму и неуважению к власти.

Большое интервью с правозащитником Павлом ЧИКОВЫМ о массовых беспорядках и политических уголовных делах

«Двушечку» каждый из нас морально

— На этот вопрос у меня ответа нет. Предположительно, это Росгвардия, которая взяла на себя ответственность разогнать весь этот «либерально-оппозиционный гадюшник» в Москве. [Директор Росгвардии] Виктор Золотов решил выдавить этот фурункул с ограниченным применением силы и получил санкцию на это? Может быть.

— Из-за того конфликта с Навальным?

— Нет, думаю, это конкуренция за влияние в сообществе силовиков. Мне поведение Росгвардии в последний месяц напомнило дерзкое поведение Госнаркоконтроля сразу после его создания, когда они срывали концерты, врвались в ночные клубы. Они тем самым отвоевывали себе жизненное пространство, демонстрировали, что тут появилась новая служба и кто в доме хозяин.

По большому счету, это первая история, когда Росгвардия (создана в апреле 2016 года. — Ред.) показала товар лицом. На этих разгонах были две лидирующие силы, работавшие вместе, — Росгвардия и Второй оперативный полк МВД, а не в целом полиция.

Еще один участник — это Следственный комитет, хотя его московское управление обезглавлено. Генерал Дрыманов в СИЗО сидит, и до сих пор на его место никто не назначен.

Но решения в СК принимает Бастрыкин, а для него очень важно найти возможность реабилитироваться после событий с Шакро Молодым, из-за которого начался закат прежде монопольного положения СК в силовом блоке. Но это все не более чем мои версии.

— Если Золотов, то, наверное, должна была быть санкция от Путина?

— Теперь уже не факт. Не секрет, что Владимиру Владимировичу не особенно

интересна внутренняя политика, он от нее устал, и оперативный контроль может быть за кем-то другим. Не думаю, что Путин решает вопросы о заморозке счетов каждого сотрудника ФБК.

— А почему задан такой адский темп расследования?

— Важно, что адский темп задан не с самого начала, а совсем недавно. Первоначально все происходило по «болотному сценарию»: возбудили сразу широко. Все три части 212-й статьи, хотя до сих пор нет фигурантов по 1-й и 3-й части (за организацию и за призывы. — Ред.), начали активно просматривать видео, устанавливать личности и там, где есть тактильный контакт, задерживать и предъявлять 318-ю.

Массовая рубка деревьев шла первые две недели, и никто не собирался ускорять процесс. Наоборот, они только раскошегаривались, просматривая тонны фото и видеоматериалы, ведь представители «большого брата» были расставлены по всей территории протестов. Не факт, что решение было принято до самого события, как это было, например, 6 мая 2012 года на Болотной, где следователи СК дежурили на самой акции протеста. Тогда следователи приехали на место преступления до совершения самого преступления. Здесь этого не было, хотя, по инсайдерской информации, 27 июля следователи были вызваны в ГСУ Москвы на дежурство, то есть такой сценарий рассматривался.

— И что случилось потом?

— Раскошегаривание внезапно закончилось, и связано это было по времени с передачей дела из одной следственной группы в другую. Сначала дело расследовало ГСУ Москвы, потом его передали в центральный аппарат СК одному следователю, а уже потом оно перешло к [генералу,

возглавлявшему следствие по «болотному делу»] Рустаму Габдуллину. То есть было как минимум два этапа, когда принималось политическое решение.

Либо прогнать все быстро была инициатива Габдуллина и условие его вхождения в дело, либо это было указание сверху. Гонка началась со среды 14 августа, и только в отношении 318-й статьи. Это выглядит так, что руководство следственной группы оказалось не в восторге относительно наломанных московским управлением дров, потому что те просто валили все в кучу. По очень схожим действиям кому-то вменяли 318-ю, а кому-то 212-ю. Например, у Сергея Абаничева нет 318-й, хотя ему вменяют бросок в полицейского якобы банки, а на самом деле бумажного стаканчика. Такие же действия у другого [фигуранта] квалифицируются как 318-я.

Пять дел по 318-й было возбуждено еще до 212-й, потом их слили в одно, а теперь снова выделяют. Происходит явная чехарда в последовательности процессуальных решений. Очевидно, что были выделены простые в доказывании дела, где есть фигурант, видео и терпила, чтобы пропустить через суды.

— А смысл-то в чем?

— Чтобы сконцентрироваться на остальных. Есть две версии. Одна оптимистичная: решили тех, кто с ментами ***** [подрался], отправить в суд, а новую «болотку» не раскошегаривать. Подвесить все остальное, дождавшись, пока [протест] схлынет.

Пессимистичная версия: всех этих ноу-нейм-персонажей пропускают и концентрируются на главных врагах государства. Это Навальный и вся его команда, которые за последние 3–4 года [якобы] получили миллиард рублей и отмыли его преступным образом, это они пытались ворваться

Антон Карлинер — специально для «Новой»

ОТСИДЕТЬ ГОТОВ

во власть в нарушение всех принципов и традиций, это они, когда им поставили законный блок, решили в отместку устроить массовые беспорядки и дестабилизировать общественно-политическую ситуацию перед выборами. А остальные [фигуранты] для этого плана только мешают.

— Это две противоречащие друг другу версии.

— Да, и мы находимся в идеальном равновесии, когда можно свалиться и туда, и туда. Какое-то решение, скорее всего, уже принято, а мы просто о нем еще не знаем. Многое зависит от того, что будет после выхода Навального 23 августа. Кандидатов подвесили на аресты, но понятно, что это все временно, и четвертый арест Яшина тоже закончится.

— Но то, что людей отправляют в суд без 212-й, говорит о том, что дело о массовых беспорядках разваливается?

— Нет. У них остается вероятность привлечения в качестве участников массовых беспорядков в любой момент. А в худшем положении находятся те, кому предъявили участие только в массовых беспорядках. Это студенты Егор Жуков, Даниил Конон, Алексей Миняйло, которые находятся в заложниках. Они не могут пойти в суд по 318-й и получить приговор год-полтора.

— Кстати, о Егоре Жукове. СК признал, что на видео «дирижирует» людьми не он, но освобождают его не собираются.

— Я с его защитниками Новиковым и Соловьевым это не обсуждал, но здесь действует такой принцип: если бы удалось убедить в этом [следователя] в первые часы после задержания, то ничего бы не было.

— А фигуранты еще будут?

— Уже больше недели нет новых фигурантов, хотя вероятность все еще высокая, особенно по «дадинской» статье. Ведь среди тысяч участников протестов

точно были люди, которых за последние полгода дважды судили по 20.2 КоАП (нарушение порядка проведения акции). Думаю, таких пучок, и вопрос в том, дадут ли добро.

— По «болотному делу» привлекали в основном рядовых протестующих, чтобы напугать общество. А сейчас как будет?

— Самое интересное, что тогда это удалось, потому что летом 2012 года была полная деморализация, трагизм в глазах каждого из-за Путина на ближайшие 12 лет, все были напуганы. Сейчас этого нет. Есть люди, которые понимают риски уголовного преследования, но повального ужаса и безнадёги сейчас нет. После 27 июля люди выходили и будут выходить.

Мы не видим и тренда на новую волну политической эмиграции. Только один потенциальный фигурант, которого искали, судя по всему, свалил. Но это неточно — подтверждений нет. Еще уехал один из избитых полицией.

— Так, а что изменилось в обществе, что люди не боятся? Путин-то все равно будет еще пять лет точно.

— Шок, который был в 2012 году, сейчас не повторился. Нельзя дважды напугать одним и тем же. Те, кто сейчас занимается протестной активностью, допускают для себя тюрьму. Действия властей сейчас уже предсказуемые, а в 2012 году это был холодный душ для всех. Утренний обывок? Камон, кого сейчас можно этим напугать? Это просто неудобство, потому что тебя разбудили чуть пораньше, чем ты обычно встаешь, ну и не совсем гуманным способом. Всё.

— Это ты про заявление [главы Ростеха] Чemezова?

— Не только. Колебательные комментарии Путина, которые можно и так, и так прочитать. И Песков также. Кулуарная

поддержка, которая есть. Может так выйти, что действия Золотова и Бастрыкина в итоге будут выглядеть как их личная инициатива и не будут приняты на вооружение в целом. Думаю, ближайшая неделя покажет.

— Организаторов в деле нет, хотя понятно, кого могут привлечь. Так и в «болотке» организатором из лидеров был только Сергей Удальцов, да и то из-за истории с грузинами. А как сейчас будет?

— Они готовы к уголовному преследованию, а будет оно или не будет — это гадание на кофейной гуще. Но если ориентироваться на предыдущий опыт, то доказывать организацию массовых беспорядков сложнее, чем участвовать в них. Нужны какие-то очевидные доказательства, которые в «болотном деле» объективно были только на Удальцова.

— Да и то.

— Да и то. Но все-таки там была оперативная съемка, был [заклывивший сделку со следствием] Константин Лебедев. Я не знаю, что у них есть в этот раз. Но, судя по разговорам с чуваками из ФБК, у них ничего не может быть, потому что ничего не было. То есть нужно лепить откровенный фальсификат. Более того, и по делу о легализации доходов тоже, правда, по словам сотрудников ФБК, ничего нет.

— У задержанных после 27 июля изымали телефоны — у участников акций, у Любови Соболь. Сидят, наверное, и читают.

«Шок, который был в 2012 году, сейчас не повторился. Нельзя дважды напугать одним и тем же»

— Возможно. Но это говорит о том, что у них ничего не было до этого момента, и они пытаются задним числом найти доказательства всей этой кухни, чтобы легитимизировать весь кипиш, который они устроили.

— Разработки не было, наверное, потому, что к 6 мая 2012 года протест продолжался полгода, а тут прошел всего месяц, да и вообще никто не ожидал, что выборы в Мосгордуму вызовут такой ажиотаж.

— Если кто-то не ожидал, что в случае недопуска к выборам кандидатов от Навального будут протестные акции, то он слегка не в адеквате.

— Не такого же масштаба. Ты что, ожидал таких массовых и продолжительных по времени акций?

— Нет, я к тому, что очевидно было, что кандидаты организуют уличные протесты. И понятно, что у десяти кандидатов сторонников, подписчиков, сборщиков подписей достаточно. Никто не предполагал, конечно, что выйдут десятки тысяч в мертвый летний сезон.

Но если вы прогнозируете хоть какие-то митинги, то оперативное сопровождение-то у них должно было быть. А вместо этого [за Соболь] следили криворукие персонажи с целью психологического давления.

— Ты пару дней назад написал, что в деле наступает перелом.

— Перелом в том, что в деле нет новых фигурантов, что у тех, кому изначально предъявлялись и 318-я, и 212-я, осталась только одна статья, то есть перешли с тяжкого на среднее обвинение. В отсутствие обвинений в адрес организаторов и призывавших к массовым беспорядкам. Формально мы имеем на сегодняшний момент смягчение.

— Мы же только что обсудили, что это все еще ничего не значит.

— Что нет дальнейшего ухудшения — это уже перелом. В реалиях сегодняшней России отсутствие роста репрессий — это уже хорошая новость. Нельзя же сказать, что мой пост весь в сахарных соплях, что он о том, что все хорошо.

— Но все равно это как луч света в темном царстве!

— Ну да, на это и был расчет (смеется).

— Накаркать не боишься?

— Нет. Вот есть фраза «будет хуже» (любимое motto главы «Медиазоны» Сергея Смирнова. — Ред.) и фраза «хуже не будет». Мы живем между «будет хуже» и «хуже не будет», и вторая фраза — это хорошая новость относительно первой.

Но никто не обещает, что будет лучше.

— Ты писал, что 27 июля в Москве работали 32 адвоката, в том числе 16 — от «Агоры» и 12 — от ОВД-Инфо, а 50 адвокатов было бы достаточно. У меня такого впечатления не сложилось. Достаточно ли вообще одного адвоката на один ОВД?

— Проблема ведь была не в том, что одного адвоката мало на отдел, а в том, что адвокатов, сука, не пускали.

То есть адвокатов не допускали с момента задержания, как того требует Конституция и туча всяких решений Конституционного суда. Это все было выброшено в ментовский туалет! На это мы, увы, не можем особенно повлиять.

Один адвокат на отдел — это минимальный стандарт, к которому можно стремиться. На акциях было задействовано 70–80 отделов — значит, требуется столько же адвокатов.

— Одно из твоих интервью озаглавлено цитатой: «Правосудия в России де-факто нет, а профессия адвоката умирает». Сейчас-то у адвокатов ренессанс?

— Яркие заявления в нашей работе нужны, но жизнь, конечно, гораздо более полноцветная, чем линейные высказывания. У нас же в России паллиативная адвокатура — [юрист «Агоры» Александр] Попков, что ли, это придумал. Очень красивый термин.

Суть работы адвоката сейчас заключается не в том, чтобы кого-то реанимировать, а в том, чтобы смягчить боль неминуемого конца. Половина работы по делам предполагает психологическую помощь подзащитному. Грубо говоря, адвокат — это психотерапевт, который объясняет, как подготовиться к худшему (смеется), морально поддерживает и старается смягчить удар.

Адвокат никогда не обещает оправдание и всерьез даже не рассматривает такой вариант. Адвокат по уголовным делам работает на смягчение меры пресечения, условный, а не реальный срок, бьется за годы срока, за режим, что сейчас важно в силу зачета срока в СИЗО, за регион отсидки, вероятность выйти по УДО. Реальная жизнь слишком далека от того, что написано в законодательстве.

Продолжение материала Ильи АЗАРЫ — СТРАНИЦЫ 12–13 ➔

← СТРАНИЦЫ 10–11

— **Н**о мне кажется, тот же адвокат Сергей Бадамшин по-другому смотрит на эту тему — он всегда доволен собой, и у него объективно есть успехи.

— А кто скажет, что у «Агоры» нет успехов и она собой недовольна? Никто не скажет, правда же?

— Ну ты довольно пессимистичную картину описал сейчас.

— Ты спросил, умерла ли адвокатура, а я доказал, что она находит немножко другую нишу, что душа адвоката успокаивается в чем-то другом. Но это не в 2016 году произошло. Что, в Советском Союзе адвокаты могли похвастаться оправдательными приговорами? Камон! Их всегда было около ноля, и основная роль адвоката всегда была в другом.

— Если в России могут закрыть на несколько лет человека, бросившего бумажный стаканчик в сторону полицейского, то ты, как правозащитник и общественный деятель, вообще, рекомендуешь ходить на митинги?

— На митинги ходить нужно. Право на протест — наше неотъемлемое право. Более того, абсолютно очевидно, что в России на сегодняшний день можно добиться каких-то политических перемен только через уличный протест.

— А как же угроза тюрьмы? Насколько это правильно, советовать людям выходить на митинг, если может такая ***** [неприятность] произойти?

— Я же не призываю, это личное дело каждого. Но если люди хотят перемен, то без уличных протестов это невозможно. А выход на уличный протест невозможен без риска быть привлеченным к ответственности, в том числе уголовной.

Да, эта вероятность в этом году резко повысилась, и если 31 августа будет массовая несогласованная акция, то вероятность составляет около 100%. Вероятность уголовки — выше 50%. Поэтому выходить или не выходить — личное дело каждого.

Человек, который бросал урну в сторону полицейских на Лубянке, должен был предполагать риски уголовного преследования и тюремного срока. Не бросаете урну — не имеете этих рисков.

— Ты сам-тоходишь на митинги?

— На какие? Я в Казани живу, а тут никто никуда не выходит.

— Ты же бываешь в Москве?

— Нет.

— Я видел тебя в Москве!

— Специально на митинги я не езжу.

Я был в 2011 году на проспекте Сахарова и еще пару раз был.

— Расскажи про [адвокатский проект «Агоры» по защите задержанных на митингах] «Апологию протеста».

— Мы запустили проект год назад, по причине того, что к нам много лет обращаются участники протестных акций с просьбой их защитить по административкам. Раньше мы с адвокатами «Агоры» всегда, как солдат на войну, смотрели на эти административки, потому что мы всегда были по уголовкам.

И вся эта мелкая шелупонь нас никогда не интересовала (улыбается), но обращались и люди, которым мы не могли отказать, поэтому мы вынуждены были этим заниматься. Ситуация изменилась с акции «Он вам не Димон» в марте 2017 года, когда мы решили: «Окей, мы будем заниматься этим в качестве приоритета». Ну а потом запустили отдельный проект.

— Если посмотреть в словарь, то «апология» — это защита, оправдание и даже восхваление. Вы все эти три слова вкладываете в смысл проекта?

— Да, плюс это греческое слово, которое бьется со словом «Агора» и формирует некую линейку смыслов.

— Выходит, что вы одновременно защищаете участников протеста и провоцируете на участие в них.

— Нет, это, конечно, передергивание. Идея этого проекта в том, что мы защищаем право на протест. Это не про «каждый имеет право собираться мирно и без оружия», о чем написано в Конституции, или про еще менее по-

нятную свободу собраний, а именно про право на протест.

Оно является составной частью свободы собраний, но собрание может быть и для того, чтобы потусить или побухать. Мы же про право на политический или социальный протест. Мы его продвигаем и защищаем. Поэтому — апология протеста. Красиво, мне кажется.

— Перед акцией 10 августа ты написал в фейсбуке: «Системная защита в действии. Нейтрализуем страх, дарим чувство защищенности».

— Да. Вот еще одна роль адвоката — защитить, может, и не можем, но чувство защищенности приносим.

— Вот человек успокоится, выйдет на акцию, а адвокат, как ты сам мне сказал, ему потом только в мир иной достойнее отойти поможет.

— Нуда (смеется). Некий элемент трагизма присутствует, но не в полной мере,

Есть очаги — например, проблемный Челябинск с целым пучком дел, Ингушетия, где внезапно произошел всплеск, Крым со всей этой крымско-татарской историей. Отдельные тематические ниши вроде «Свидетелей Иеговы» (запрещенная в России организация. — Ред.) или экстремистских и террористических сообществ.

Если упростить, то давления стало меньше. Но если подробно говорить, то поток дел не столько снизился, сколько видоизменился, источники угроз стали другими, группы, которые рискуют, стали другими. Например, в отношении нацболов нет больше уголовных дел.

— Вместо 282-й они придумали статью о неуважении к власти (ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ), стали заводить больше дел по терроризму.

— Хороший вопрос про неуважение. «Агора» заявила о том, что будет защищать

засылают человека, который начинает молодежь склонять делать «коктейли Молотова». Есть у нас такое дело в работе, где человек предлагает пойти потренироваться кидать бутылки с «Молотовым» на свалке. Пацаны приезжают на свалку, а там их ждут чекисты на задержание. Вот как это сейчас выглядит.

— Есть ощущение, что «Агора» монополизировала не только дела по неуважению к власти, но вообще все политически резонансные дела. Но ведь по остальным статьям нет такого прорыва?

— Мы не ставим задачу все под себя подмять, мы скорее выбираем какие-то фокусные направления и там концентрируемся, чтобы максимально улучшить ситуацию. Мы себе записываем в актив и декриминализацию 282-й статьи, потому что мы за последние 15 лет вели в десятки раз больше дел, чем любая другая организация.

«Двушечку» каждый из нас морально

потому что «двушечку» отсидеть каждый из нас морально готов.

— Ты про «Агору» или про всех?

— Про всех я не могу сказать, могу про себя и нашу команду. Или про ФБК. Никто не хочет сидеть в тюрьме, но к тому, что, возможно, придется два-три года — да. Грубо говоря, если ты морально не готов посидеть в русской тюрьме, то не можешь спокойно заниматься той работой, которую многие сейчас делают.

Это несмертельная история. Как правило. Ну задержание, ну арест, ну суд, ну этап, ну лагерь. Shit happens.

— Ты неожиданно для меня сказал, что при Кириенко в России становилось все меньше политически мотивированных уголовных дел, но при этом у тебя был пост с перечислением политических процессов в России. Прочитав его, наоборот, хочется спросить: «Что происходит вообще? Не 37-й ли это год?»

— Раньше было кратно больше политических процессов. С 2006 года около 250 политически мотивированных уголовных дел, по которым работали наши адвокаты. 13 лет мы этим занимаемся. Львиная доля — это экстремизм. На сегодняшний день около 30 ongoing cases [текущих дел], из которых половина навалилась за последние полгода.

первую сотню привлеченных по этому закону, как только он вступил в силу в конце марта. На сегодняшний момент мы знаем о 38 таких делах, из них в 18 работаем мы, и каждое третье дело было прекращено. Ни одна репрессивная статья не имеет такого процента оправданий.

— Почему?

— Потому что мы монопольно контролируем почти 100% этих дел — в защите, в публичном пространстве, в формировании первоначальной судебной практики. Мы обращаем внимание на все косяки, которые там есть. Применение статьи не прошло так массово — 38 дел на всю страну за пять месяцев. Это шиш да маленько. И это не уголовки.

Декриминализация 282-й — это был увод в административный состав, а если ты допускаешь рецидив, то уголовка. Пока нет ни одного уголовного дела по рецидиву, и практически весь первичный экстремизм кончается прекращением либо за сроками, либо за недоказанностью. Непруха и там, и там.

По терроризму есть рост, но это связано с усилением влияния ФСБ. Им надо отчитываться. Но у них гигантские проблемы. Нету террористов столько физически, сколько бы им хотелось. Поэтому они начинают придумывать и лепить горбатого,

— А я думал, что это Шаргунов позвонил Путину на «прямую линию», а тот распорядился.

— Не без этого, наверное, хотя чтобы Шаргунов позвонил, нужно было создать соответствующую обстановку. И мы для этого много сделали.

Мы, например, купировали применение 148-й статьи УК (оскорбление чувств верующих), которая была введена по следам процесса Pussy Riot. Она фактически не применяется в стране, потому что мы отслеживаем каждое такое дело.

Мы свели практически к нулю дела по ст. 280.1 УК (призывы к сепаратизму), которая была введена после Крыма, и первые приговоры были все с лишением свободы. Сейчас этой статьи больше нет.

— А почему вы думаете, что это из-за вашей работы? Дела же были проиграны.

— Первоначальная задача была помешать назначению реальных сроков по такой категории дел, и нам это удалось. После журналиста Николая Семены реальных сроков по этой статье больше не назначалось никому. А первоначально было как по «дадинской». Такой резонанс по делу Дадина был из-за того, что он по статье средней тяжести получил реальный срок в три года и уехал в жесткую Карелию. Это была явная overreaction [чрезмерная реакция]. Была бы «условка», она бы тихонечко распространялась.

— Ну так она сейчас снова применяется.

— Кроме Котова еще и Егоров из Коломны есть, но он под домашним арестом. А теперь мы имеем «стражу», и это попытка реанимации этой статьи. Очень важно по ней давить.

Наш опыт показывает, что если вести как можно большую долю дел определенной категории, то есть очень суще-

Суть работы адвоката сейчас заключается не в том, чтобы кого-то реанимировать, а в том, чтобы смягчить боль неминуемого конца

Антон КАРПИЧЕВ — специально для «Новой»

ОТСИДЕТЬ ГОТОВ

ственная возможность влиять на правоприменительную судебную практику и ее менять.

— **Погоди, а мы разве не исходим из того, что приговоры спускаются сверху?**

— Нет, не исходим. Работает все сложнее! Вирусное распространение дел по 282-й произошло тогда, когда наверху собралась достаточная база приговоров и уголовных дел. Они были проанализированы, была сформирована методичка и, сука, спущена сверху. Пошли указания по линии МВД, Центра «Э», СК, прокуратуры и судов, что эти дела являются приоритетными для государства и по ним есть сложившаяся судебная практика, которой просили не препятствовать. С принятия закона о противодействии экстремизму до начала массовой кампании прошло десять лет. Если бы «Агора» существовала в нынешнем виде в 2006 году, то повального экстремизма бы не было.

— **Так давайте по 212-й статье навальтесь, и все решите — практики-то по ней тоже нет.**

— Да мы и контролируем ее почти целиком. Я же сказал про переломный момент. Может, этого ничего и не будет. Думаю, не будет больших сроков. Я рассчитываю, что они будут меньше, чем по «болотке», а ведь они и там сначала хотели давать по 6–8 лет, учитывая 4,5 года колонии Максиму Лузянину, который первый пошел по особому порядку.

— **Насколько правильно выбирать дела по медийному потенциалу? Разве не важнее помогать самым беззащитным, которые никому не нужны?**

— Одно же не исключает другого. Самые беззащитные по «московскому делу» — это арестованные. И именно

им мы помогаем. Но вытащить из дела медийный потенциал — очень важно.

Нас очень часто упрекают в том, что мы гонимся за славой и пиаром. Я спокойно к этому отношусь. В первую очередь потому, что это неправда. Вы знаете про «Агору» за счет медийных дел, но это айсберг, так как большее число дел абсолютно немедийные. В нашей базе, дай бог, 10% дел, которые фигурируют в пу-

организацией, которая выставила адвокатов на протестные акции, то уже в 2012 году пришла новая волна адвокатов, включая знаменитых Полозова, Фейгина и Волкову (*адвокаты Pussy Riot.* — Ред.). Тогда же появился проект «Росузник».

Сейчас многие за абсолютное новое воспринимают работу ОВД-Инфо и разный краудфандинг, но именно у «Росузника» тогда был первый эффективный краудфандинг на адвокатов. Сейчас есть правозащита «Открытки», фонд «Общественный вердикт», московский офис «Комитета против пыток» ведет несколько дел избитых на протестных акциях. Круг расширяется, и если с нами что-то произойдет, что довольно маловероятно, то мы уже сформировали целую культуру защиты по политическим делам.

Сейчас это клево и выгодно, и у нас очередь стоит из адвокатов!

— **А почему вас не закрывают?**

— Во-первых, это слишком сложно. Во-вторых, мы ничего такого и не делаем.

— **Как? По целым статьям накрываете правоприменение!**

— Мы же действуем в рамках действующего законодательства. Некоторые понятийные принципы, на которых построено наше государство, предполагают, что если ты защищаешься законны-

Если бы «Агора» существовала в нынешнем виде в 2006 году, то повального экстремизма бы не было

бличном пространстве, а про оставшиеся 90% журналистам писать неинтересно.

— **Вот вы добиваетесь монополии по делам, по целым статьям УК и КоАП. Но нет ли здесь риска? Если завтра вас закроют, то все останутся без адвокатов.**

— Другие придут, сменив уют на риск и непомерный труд, пройдут тобой непройденный маршрут (*смеется*).

— **Придут, но сколько вы шли к успеху? 15 лет?**

— В этом году 20 лет, как я работаю в правозащите.

— **Есть же в экономике мнение, что монополия — это плохо.**

— Да, наверное. Но есть и другой эффект: мы пробиваем тропу, и за нами идут другие. Если на акциях в декабре 2011 года «Агора» была единственной

ми методами, то это не может вызывать агрессию. Я даже больше скажу: мы за 15 лет добились осуждения 250 сотрудников правоохранительных органов за пытки, убийства и всякую такую ***** [мерзость]. Очень многие получили реальные сроки, в том числе пожизненный у Евсюкова. Многие уже вышли, но нам никто не угрожал.

— **Ты обещал, что каждое незаконное действие государства будет сейчас обжаловаться «Агорой». Как это будет технически выглядеть?**

— Технически это уже капец как сложно. Потому что у нас 70 обращений с жалобами на упоминания в опубликованной «Товарищем майором» базе. У нас 20 обращений в ЕСПЧ с жалобами на шатдаун мобильного интернета. У нас

семь обвиняемых по уголовному делу и около двух сотен административных дел сейчас у [главы «Апологии протеста» Алексея] Глухова и, наверное, будет еще больше.

— **Это из 2500 примерно?**

— Ну да. Думаю, будет даже больше. Просто мы не распыляем ресурсы на защиту в судах, потому что это не имеет смысла, как правило. Мы просто курируем, даем шаблонные документы, говорим, что надо сделать, разъясняем алгоритмы и подсоединяем людей на жалобы в ЕСПЧ. Тема, связанная с протестными акциями, будет решена только там.

— **Я, кстати, видел, как ваш адвокат зашел в ОВД после одной из протестных акций и сказал, что не будет помогать тем, кто будет говорить, что не участвовал в акции, а просто мимо шел, так как это не дело для ЕСПЧ. Это нормально?**

— Да.

— **Но я думал, что адвокат, как врач, должен помогать всем.**

— Надо помогать сперва тяжело-больным. Глухов это сформулировал со всеобщего нашего согласия так: корпоративный стандарт заключается в том, что мы концентрируемся на тех делах, которые имеют большую «правозащитность».

И мы ориентируемся на стандарт Европейского суда, который еще не вынес ни одного решения, признавшего нарушение статей 10–11-й в отношении человека, который был задержан на акции и говорил, что просто проходил мимо. Такие случаи не имеют перспективы в Европейском суде, поэтому мы за них не беремся.

— **Сколько всего людей работают в «Агоре»?**

— 100 адвокатов. Плюс-минус, их никто не считает.

— **Сколько из них работают в Москве?**

— В Москве у нас была не очень сильная структура до недавнего времени. Но сейчас в ходе московских протестов пришли 20 абсолютно новых адвокатов.

— **То есть меньшая часть работает в Москве?**

— Конечно! «Агора» и известна тем, что это распределенные сети, что в основном это не Moscow based human rights organisation [правозащитная организация с базой в Москве].

— **Я понимаю, но не пора ли в Москву переезжать?**

— Я там был, мне не понравилось. Мне и тут хорошо.

— **Ты недавно сказал, что «Агора» не будет защищать человека из-за того, что он назвал себя коренным москвичом. Не любишь москвичей?**

— Нет.

— **Почему?**

— Русь потому что — она за пределами Москвы. И мы — те люди, которые занимаются защитой Руси. А Москва — это Москва. Москва людей портит очень часто.

— **Вот в Москве и говорят, что у тебя «выросла корона».**

— Желание увидеть корону возникает в тот момент, когда кто-то, оказывается, не любит москвичей и может себе позволить успешно развиваться вне зависимости от Москвы и не находясь в Москве.

— **Если бы ты выступил на митинге 10 августа, что бы ты сказал людям?**

— Я бы сказал про право на протест, про то, чтобы не боялись, про то, что мы рядом, про то, что надо защищаться, про то, что победа будет. Но выступать не буду — времени нет.

Во дворе трехэтажного здания в частном секторе Казани, где находится «Агора», растет яблоня. На прощание Чиков угощает меня яблоком с этого дерева: «Вот тебе правозащитное яблочко».

— **Правозащитное? То есть с горечью?**

— Наоборот, очень сладкое!

Илья АЗАР, «Новая»

В песках геополитики

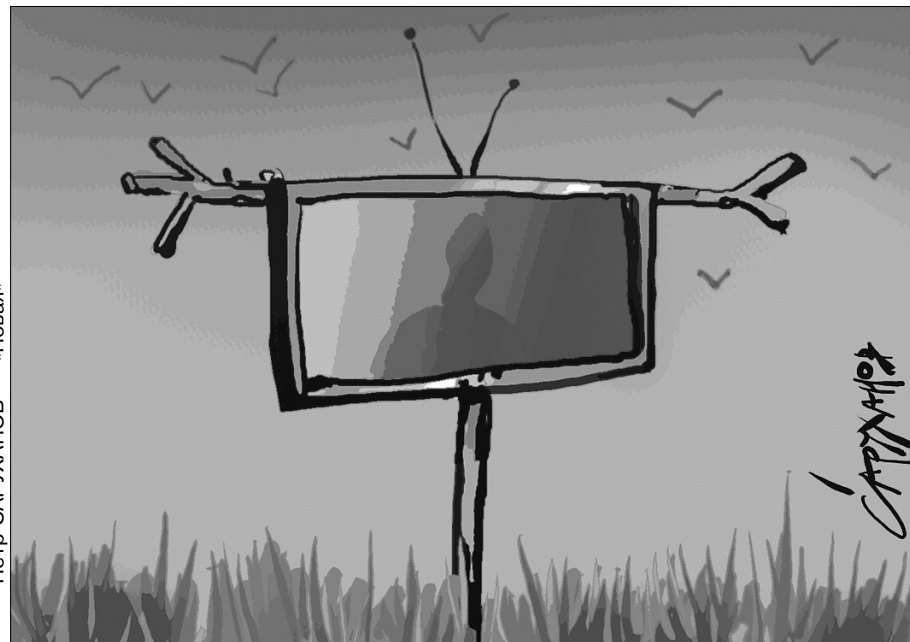

ны, которыми назло НАТО усилены наши западные границы, бодро утешают поля.

Одновременно Трамп вновь поражает своей эксцентричностью. Десять дней назад в своем твиттере президент США насмеялся над российской ракетой с ядерным двигателем «Буревестник», катастрофа которой в Северодвинске обернулась выбросом радиации. Трамп комментировал это в том духе, что люди во всем мире волнуются из-за таких вещей, а кроме того, у США есть аналогичные, но «гораздо более продвинутые технологии», после чего делал вывод, что все это «нехорошо» (not good!). Чуть позже Трамп делает сенсационное заявление о том, что из «Большой восьмерки» Россию выгонял президент Обама, расстроившийся из-за того, что «Путин его переиграл». А он, Трамп, не видит причин, почему нельзя вернуть Россию в организацию, ведь там обсуждается так много тем, связанных с Кремлем. В ответ напрягаются европейцы, президент Франции вынужден напомнить, что о возвращении в G8 говорить преждевременно, украинский кризис все еще не разрешен...

В прежние годы такого сгущения геополитической интриги на излете лета хватило бы, чтобы обеспечить работой всех аналитиков политических телешоу, а заодно дать пищу для ума для заметной части соотечественников на месяцы вперед. Сейчас модель «А что там у Макрона», возможно, продолжает эксплуатироваться в студии Владимира Соловьева, но не оказывает никакого видимого влияния на страну. Людей интересуют плохая экология, бедность, несправедливость, вездесущие, но никого не представляющие единороссы, а еще полицейское насилие. Об этом, а не о коварстве Трампа говорят в августе 2019 года миллионы наших сограждан. Показателен пример катастрофы в Северодвинске: что сказал по этому поводу американский президент,

кончается роман
россиян
с геополитикой

Пётр САРУХАНОВ — «Новая»

не интересно никому, а вот куда двинулось радиоактивное облако и что на этот раз скрывают наши власти — это общенациональная драма. Так кончается роман россиян с геополитикой, и конвульсии, которые испытывает по этому поводу пропаганда, заслуживают самого пристального патологоанатомического внимания. Нет сногшибательной внешней политики — нет и лояльного массового избирателя, которого в течение пяти последних лет выкармливали военными слухами и историческим рессентиментом.

Существует, впрочем, одна категория лиц, которые в нынешней тяжелой ситуации остаются последовательными геополитиками, не решающимися вытащить голову из песков величия. Это силовики, работа которых формально состоит в том, чтобы обеспечивать нашу безопасность и которые теперь придумали и поддерживают миф о том, что московский протест против единороссов и несправедливости представляет собой результат «иностранного вмешательства в выборы».

Я уже писал о том, что тем самым граждане в погоне буквально судят других по себе, предполагая, что любое действие есть результат исполнения приказа. Говорили мы и о том, что поиски заокеанских кураторов — это хороший предлог для вмешательства спецслужб в организацию выборов. Давайте заметим теперь, как крепнет союз телепропагандистов и разведчиков и как они постепенно прощаются с остальной Россией.

Кирилл МАРТЫНОВ, редактор отдела политики

прикладная антропология

С начальства спроса нет

Россияне перестали ждать объяснений от властей

Анастасия МИРОНОВА*

Слушайте, ведь мы же весной смотрели всей Россией сериал «Чернобыль» и ужасались, что так можно было поступать с людьми. Советские власти предстали в сериале олицетворением режима, античеловечней которого придумать нельзя.

И вот мы сейчас читаем, что после взрыва под Северодвинском в России поэтапно отключили несколько станций радиационного мониторинга, в том числе в Дубне. Радиоактивное облако полетело через всю страну на Москву — никакой реакции. Черт с ней, с Россией, давно уже не до нее, хоть гори она, хоть тони, некому и некогда о ней волноваться. Но Москва! Вы еще весной, когда про чернобыльскую аварию смотрели, могли предположить, что Москву лишат радиационного мониторинга ради защиты военных секретов и не посчитают нужным что-либо объяснять? Вы могли догадаться, что Кремль способен просто игнорировать любые вопросы о радиации в Москве? Что в нашей стране отныне можно допустить радиационное заражение и никак его не комментировать? И что мы, главное, все воспримем это как должное.

Самое страшное открытие взрыва в Неноксе — масштабы тоталитаризма. Мы ведь знали, что так бывает

в самых кровавых государствах, так было недавно у нас. Но мы, конечно, не думали, что вновь до этого дожили и смирились.

Мы еще не поняли, что 20 лет силового режима обернулись не просто посадками нескольких сотен политзаключенных. Оказалось, что тоталитаризм — это не только недопуск кого-то на выборы. Это не ударенная в живот полицейским женщина. Не студент Жуков, у которого за политические взгляды проверяют курсовые. И даже не только неподотчетная инфляция и право в любой момент окунуть население с головой в бедность. Если бы тоталитаризм означал всего лишь это, массовому человеку не было бы поводов для беспокойства. Да, конечно, сажают оппозицию, но ведь сколько ее, этой оппозиции? Сотни посаженных, на всю страну — несколько тысяч под колпаком? Кого-то даже убили, но это ведь единицы за двадцать лет. Снова нищета? Подумаешь, напугали. Тоталитаризм — это когда ты знаешь, что государство может скрыть радиационный инцидент, и молчишь. А если ни одна другая страна не может заставить его отчитываться, это уже мировая трагедия.

так бывает
в самых кровавых
государствах

Горбачева вынудили объясниться по Чернобылю за секции радиацию шведы. А в эти недели вся иностранная пресса пишет о неведомом взрыве, высчитывает траекторию прохождения радиоактивного облака, сообщает об отключении станций мониторинга — и ничего! В прямом эфире слышны смех и шепот. Стерли сообщение администрации Северодвинска о скачке радиации. Несколько дней молчали, потом выдавали скупое «всё под контролем». С выражением лица «ну и что вы нам сделаете?».

Я в эти дни как раз поехала на Соловки. Никто там не верил в официальную версию. Люди отказались от рыбы, без дела не ходили к морю. 20 августа на острове ждали Дмитрия Медведева с патриархом. Но заранее стало понятно, что премьер не придет. Патриарх прилетел на вертолете, но местные считают, что это двойник: фотографий с поездкой почти нет, обычные жители Кирилла не видели. При этом многие чувствовали себя плохо. Меня, например, всю неделю на Соловках тошнило, я спала по два-три раза днем, быстро уставала. И что?

А уже ничего. Мы ничего не можем сделать. Не то беда, что за 20 лет эта власть перестала отчитываться перед нами даже за радиационную катастрофу. Куда страшнее, что мы и не спрашиваем. Кто из вас верит, что взрыв на полигоне был, например, в 80 тысяч раз слабее чернобыльского, а не всего лишь в четыре? Кто купился на слова о том, будто в море взорвалась радиоизотопная батарейка? Кто не сомневается, что это точно не было испытание новой ядерной ракеты, допустим, или и вовсе реактора? Нет таких. А где тогда миллионы возмущенных москвичей?

Знаете, когда окончательно оформился современный российский тоталитаризм? Не тогда, когда государство отказалось отчитываться за радиационное загрязнение или ударенную в живот женщину. Не тогда, когда мы испугались этих отчетов требовать. Тоталитаризм наступил, когда мы перестали их ждать.

Денис ДРАГУНСКИЙ*

в фокусе

Суверенная наука и университет

Как российские гуманитарии реагируют на террор

Армен АРАМЯН*

На прошлой неделе было опубликовано заявление Американской ассоциации славистов в связи с арестом студентов московских вузов и массовыми задержаниями участников мирных протестов. Сотрудники американских университетов выразили обеспокоенность в связи с задержаниями студента Высшей школы экономики Егора Жукова и студента Бауманки Даниила Конона.

«Университет является местом, где учат критически мыслить, свободно говорить и задавать вопросы, а мирное выражение мнений не может быть основанием для уголовного преследования в демократическом обществе, основанном на принципе уважения прав человека», — отмечается в обращении.

В письме отмечается недопустимость преследований студентов за политические взгляды со стороны руководства университетов. Это явный ответ на заявления ректоров РГГУ и МПГУ, которые накануне акций 3 августа заявили, что за участие в несанкционированных акциях студентам может грозить отчисление из университета. Заявление стало беспрецедентной акцией солидарности сотрудников иностранных университетов с российским университетским сообществом.

В письме делается особый акцент на «рейтингах»: американские коллеги заявляют, что получить желанное место в международных рейтингах российским университетам не удастся, ведь «в это понятие входят не только количество и качество публикаций в рецензируемых изданиях, но и рейтинг академической свободы, степень обеспечения политического нейтралитета и активной общественной позиции всех тех, кто аффилирован с данной институцией».

Российские ученые неоднозначно восприняли обращение американских коллег. В основном сотрудники российских вузов отреагировали положительно, но также звучало мнение, что интонация «шантажа» непозволительна. Это реакция на утверждение, что российское академическое сообщество может оказаться в положении «изгоя в глобальной научной среде», если не «продемонстрирует приверженность демократическим принципам и гражданским свободам».

В этом фрагменте содержится неверное допущение составителей письма. Письмо обращено к руководителям и сотрудникам университетов, как если бы в российских университетах было реализовано самоуправление.

На исходе второго путинского десятилетия, когда ректоры назначаются сверху, точно так же, как и губернаторы, интонация «защищайте демократию», обращенная к сотрудникам университетов, кажется им странной.

На следующий день после публикации письма стало известно о приказе

Министерства высшего образования и науки, который регламентирует связи отечественных ученых с зарубежными. Согласно приказу, если научные сотрудники захотят провести встречу с иностранными коллегами, они должны будут уведомить об этом министерство за пять дней и отправить список участников, а неформальное общение станет возможно только с разрешения директора учреждения.

Ситуация показала особенно абсурдной тем из сотрудников российских университетов, у кого нет российского гражданства: «Объявляю конкурс на две позиции ученых, которые будут сопровождать меня круглосуточно на территории России, записывать все мои разговоры с российскими коллегами и пересылать их расшифровки с необходимой документацией в нужные ведомства».

«**российская наука может стать изгоем**»

Условия приличные: удобная квартира, надувной матрас, полезные завтраки и обеды, интересные дискуссии. Интим не предлагать», — опубликовал в своем фейсбуке Ян Сурман, историк польского происхождения, который перешел на работу в Высшую школу экономики после того, как построил карьеру в немецких университетах.

Оба заявления не нашли особого отражения в публичной сфере российских академиков, которые предпочли посвятить себя обсуждению концепции «университет вне политики» и вопросам о том, какая политическая деятельность допустима на кампусе, а какая нет. По этому вопросу в медиа и социальных сетях можно найти комментарии уже нескольких десятков российских академиков — от ректора МГУ до сотрудников Вышки.

В одной из публикаций, автором которой выступил политолог Леонид Поляков, комментируется заявление славистов: «Комментировать этот беспрецедентный по наглости шантаж смысла не вижу. <...> [Среди американских славистов] есть очень разные люди — творческие, невероятно образованные и бесконечно влюбленные в русский язык, русскую литературу, культуру и философию. И есть «начальство», которое решает совсем иные задачи. Но тем не менее для всех американских славистов вы будете интересны не в качестве бегущих по улицам с «кричалками» типа «Жулики и воры — пять минут на сборы!», а только как профессионалы в выбранных вами научных отраслях».

Таким образом, схема «начальство решает все» переносится из опыта российской академической жизни на американские независимые исследовательские ассоциации, в которых реализована выборность руководителей.

Белое безмолвие

Андрея Лещинского пригласил пообедать Олег Маслов. Это было странно и отчасти тревожно. Странно потому, что с Масловым они хоть и учились на одном курсе, но почти не общались и уж точно не дружили. Тем более после института. А тревожно было потому, что Лещинский уже пять лет встречался с женой Маслова. Они познакомились на каком-то приеме. Они сошлись в тот же вечер. Просто какой-то солнечный удар. Русская классика. Чудо.

Когда он узнал, чья она жена, он слегка испугался. Как раз накануне бывший однокурсник рассказывал про Олега Маслова: «Танком прет! Живого места не оставляет! Маслов сказал — Маслов сделал!» Речь, конечно, шла о бизнесе, но Лещинскому стало страшно. Он представил себе, как его труп найдут через две недели в багажнике битых «Жигулей» на свалке металлолома.

Они с Ларисой встречались редко и очень осторожно, тщательно выбирая безопасное время, когда муж был в командировке за границей, а сын — в летнем спортивном лагере. Слава богу, сам Лещинский был в разводе, ему скрываться было не от кого.

Каждая встреча была восторгом, праздником и чудом.

Лещинский много раз предлагал ей уйти от мужа к нему, но она говорила, что это невозможно. Олег дико ревнив и патологически самолюбив. Он ее убьет, как только услышит, что у нее кто-то есть. А во-вторых, у них сын-подросток, и Олег к нему безумно привязан.

Вот так лет пять прошло.

Вдруг звонок с неизвестного номера. Уверенно, дружелюбно, вежливо. «Андрюша, привет! Маслов моя фамилия. Мы с тобой уж лет двадцать не видались, есть разговор...» Встретились в рыбном ресторане.

Маслов доел палтус, запил вином, поставил локти на стол, подпер голову кулаками и сказал, глядя Лещинскому прямо в глаза:

— С Ларисой встречаешься? В смысле, с моей женой?

— Что за вопросы! — Лещинский попытался изобразить возмущение.

— Перестань! И, главное, не трусь. Никто тебе морду бить не собирается. Да или нет?

— Да, — сказал Лещинский.

— Ну вы и шифруетесь, ребята! — спросил Маслов. — Просто комар носа. Уважаю. Но ладно. Рад за вас. Особенно за Лару. Видишь ли, Андрюша, я собираюсь с ней разводиться. Встретил, можно сказать, на старости лет волшебную девушку...

— Да какое на старости? — Лещинский облегченно вздохнул. — Мне сорок два. Тебе столько же. Вся жизнь впереди.

— Тогда вот что, — сказал Маслов. — Тогда вы с Ларкой кончайте шифроваться. Покажитесь где-нибудь вдвоем. Раз, два, три. Чтб все узнали, заговорили, и чтб я мог красиво развестись. Это для Васьки важно, для сына моего. Чтб он увидел, что за штука его мамочка. Парню шестнадцать лет, пусть сам примет решение остаться с отцом. Ему со мной будет лучше.

А если она захочет с ним общаться — пусть общается. Ради бога. Я не против. Ну, по рукам?

— В смысле? — не понял Лещинский

— Если честно, я ее никогда особенно не любил, — объяснил Маслов. — Но все-таки восемнадцать лет вместе. Нельзя же ее просто так, в никуда выпинывать. А так все нормально. По рукам?

— То есть чтб я на ней женился?

— Это твоё дело. Хотя я, конечно, буду рад. Просто я позвал тебя, чтобы ты знал: я в курсе, и я не против.

Лещинский шел домой, думая, что сейчас позвонит Ларисе и все ей расскажет, и она приедет к нему сегодня же, и снова будет чудо и восторг. Собственно, можно было позвонить и с дороги. Нет, лучше из дому.

Дома открыл компьютер, надо было ответить на десяток новых писем, прошло часа два, потом еще час, вот стало уже половина десятого, и Лещинский понял, что оттягивает звонок.

Почему? Неужели потому, что Олег Маслов ему разрешил?

Да, именно так и выходит — разрешил встречаться с его женой и даже посоветовал на ней жениться — после того как сам с нею разведется. Ужас.

Он вдруг вспомнил, как они с Ларисой пять лет назад целовались в лифте, в гостинице, не в силах обождавать полминуты... Был солнечный удар, а что там бывает наоборот от солнечного удара? Белое безмолвие?

Надо было менять телефонный номер, почту, а может быть, и адрес.

*Автор — писатель

*Автор — аспирант НИУ ВШЭ

Не вкуррил и сел на 10 лет

Как 31-летнего жителя Удмуртии
полиция и суд «странным образом»
обвинили в том, что он «угощал»
несовершеннолетних девушек марихуаной

О б этом «расследовании» рассказали родители обвиняемого, прислав мне материалы дела и приговор.

Новость была опубликована на сайте Izhlife.ru 2 июня 2019 года. Заметка автора Игоря Боброва называлась так: «Свою вину он так и не признал». «31-летний житель Красногорского района отправится в колонию по обвинению в склонении несовершеннолетних к употреблению наркотиков и вовлечение в совершение антиобщественных действий. Установлено, что в апреле прошлого года обвиняемый предложил трем подросткам 13–15 лет покурить марихуану, демонстрируя это на своем примере. Одну из потерпевших он также неоднократно вовлекал в распитие спиртных напитков. В ходе следствия и суда свою вину в совершении преступлений обвиняемый так и не признал. Однако в ходе допросов, очных ставок и экспертиз вина мужчины была доказана. Суд приговорил мужчину к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима».

К новости вопросов нет. Странно только, что имя и фамилия мужчины не называются. А мы скрывать не будем. Зовут парня Василий Сигов. Живет в селе Красногорское, работает в фирме по установке окон. Сейчас он сидит в СИЗО города Глазова. Хотя находиться там вместо него должен совсем другой человек. Или группа «товарищей», которая, по мнению родителей Сигова, и сфабриковала данное дело.

Что же случилось вечером 14 апреля 2018 года? Василий пошел на поводу у своего приятеля Сергея Иванова, который попросил захватить для компании и веселого времяпрепровождения юных знакомых Сигова. Наивный Вася согласился, даже не представляя, чем все обернется.

Если верить следствию, то в машине Василий предложил девочкам марихуану и, «накурив», вовлек их в «антиобщественное действие». Как было на самом деле, разбирается никто и не собираюсь, особенно если стоит задача посадить. Василий Сигов — это же не Иван Голунов.

На самом деле Вася являлся сначала свидетелем. Что было вполне логично, потому что марихуану и алкоголь принес с собой его приятель Сергей Иванов, о чем он и доложил следствию. Вот его цитата приговора: «Я думал, что раз алкоголь и наркотик были мои, то я виноват, и меня привлекут к уголовной ответственности». Также Иванов подробно описал схему, по которой приобретал наркотик. И сообщил, что выкинул трубочку, через которую курили наркотик, в пруд. Когда ночью к школьницам домой нагрянули полицейские, и неприглядная картина открылась, Сергей попросил Василия через соцсеть не рассказывать правду и сочинить историю о том, что девочки, мол, уже пришли к ним подвыпившие. И вот тут Вася зачем-то со-

гласился, о чем впоследствии, конечно, пожалел.

А потом произошло «уникальное» событие: Сергей Иванов, как выяснилось, пошел на сделку со следствием. В чем заключалась сделка? В том, что Иванов все беззащитно начал валить на Васю, припугнув его тем, что в случае чего «подтянет серьезных людей из Глазова». И Сигов превратился в главного и единственного подозреваемого со всеми вытекающими. В отделении полиции Красногорского района ему не давали связаться с адвокатом и запугивали. «Если ты не признаешь свою вину, то потеряешься в Ижевске», — говорили ему в полиции, обещая проверку на детекторе лжи. Василий, кстати, был готов пойти на такую процедуру. Потому что не употреблял наркотики в машине и не пил, так как был за рулем. Медицинская экспертиза показала: Сигов чист. Никаких наркотиков не обнаружилось и у него дома.

« У многих жителей села Красногорское есть предположение, что Иванов, попавшись однажды на какой-то мелочи, теперь «внештатно» работает на полицейских »

В тот день — 14 апреля — Василий, который за курящими в машине не следил, поскольку долгое время провел в гараже, лично развез их вечером по домам, поняв, что они находятся в невменяемом состоянии. А чуть позже написал «другу» Иванову: «Зачем ты их напоил и накурил?» Тот ответил: «Я не знал, что так получится». Но на переписку, приобретенную к делу, адекватной реакции от людей ни в погону, ни в мантиях почему-то не последовало. И в общем-то понятно почему: по статье 230 ч. 3 п. «а» УК РФ («Склонение несовершеннолетних к употреблению наркотических средств») виноват не тот, кто принес наркотик, а тот, кто, как в анекдоте, первым спросил «ну что?». А девочки вслед за Ивановым «дружно» показали, что предлагал выпить и покурить им именно Сигов. Более того, они в красках описали, как Вася поджигал «косяк» и вещал о том, какие виды наркотиков бывают.

Называть имена девочек мы не имеем права, но девочки эти, как бы выразиться помягче, непростые. Из показаний старшего инспектора по делам несовершеннолетних Кандаковой Е.Г.: «В школе девочки обсуждались на комиссии по делам несовершеннолетних по поводу употребления спиртных напитков». А вот как характеризует одну из них директор школы: «Воспитывается отцом, он воспитанием дочери занимает-

ся не должным образом, семья состоит на контроле в КДН (Комиссия по делам несовершеннолетних. — Ред.)». Свою оценку дала и комиссия экспертов. По мнению специалистов, одна из школьниц «обнаруживает признаки социализированного расстройства поведения, выражающегося в откровенном непослушании, лживости со взрослыми, стремлении к употреблению ПАВ (психоактивные вещества)». Две другие «замечены в откровенном постоянном непослушании, прогулах в школе, стремлении к употреблению ПАВ, плохих отношениях со взрослыми».

Согласно статье 230 УК РФ, по которой обвиняют Василия Сигова, «для состава преступления не имеет значение поведение потерпевшего до начала склонения. Потерпевшими могут быть и лица, которые ранее по собственной инициативе, но лишь эпизодически употребляли наркотики или употребляли более слабые средства». Тем не менее вопрос лично у меня простой: «Почему девочкам,

различным уголовным делам. И всякий раз выходил сухим из воды, а после его «показаний» под статью отправлялись «соучастники». У многих жителей села Красногорское есть предположение, что Иванов, попавшись однажды на какой-то «мелочи», теперь «внештатно» работает на полицейских. Вот цитата из приговора: «На вопрос защитника, откуда он (Сергей Иванов) знает, что говорят потерпевшие, он пояснил, что знакомился с уголовным делом. Каким образом он знакомился с уголовным делом, составлялся ли при этом протокол ознакомления, кто его знакомил с уголовным делом, свидетель Иванов С.П. ответил, что с уголовным делом он не знакомился, просто он узнал, что говорят потерпевшие, от сотрудника полиции Д.Д. Волковца». Сотрудник полиции майор Д.Д. Волковец — это начальник отделения полиции «Красногорское».

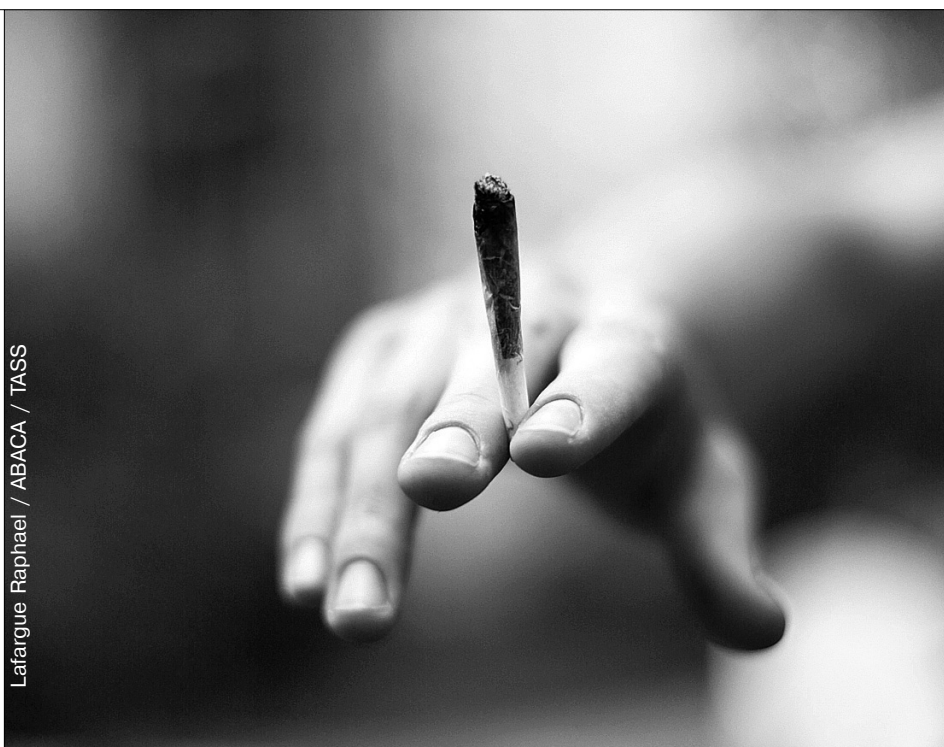
Теперь про адвоката Кудрявцева, к которому у родителей Сигова тоже есть вопросы. Сначала адвокат утверждал, что легко развалит это дело, а после вынесения приговора лишь молча развел руки. Он убеждал своего подзащитного не признавать свою вину, так как это могло бы отразиться на возможном сроке заключения в худшую сторону. По окончании заседания суда родителям Василия один из следователей сказал: «Надо было признать вину, получил бы условный срок». Кому из них верить — непонятно. Да и как признать себя виновным в том, чего не совершал?

Многие юристы и адвокаты, которые ознакомились с делом, сказали, что дело шито белыми нитками. Но шансов при этом почти никаких. Впрочем, родители говорят, что не сдадутся. Сейчас они ждут заседания республиканского Верховного суда. Апелляция и жалобы были поданы, в частности, на то, что медицинские экспертизы проводились с нарушениями, а впоследствии еще и неверно истолковывались, на то, что переписка между Сиговым и Ивановым в социальной сети, по сути, во внимание приняты не были. «Упустили из виду» и другие нестыковки. Но подобные факты, как считают правозащитники, в данном случае второстепенны. Так как тесты и переписка — это все якобы лирика, а показания девочек перевешивают всё. Но родители и адвокат, требующие направить дело на новое рассмотрение, готовы пойти дальше и добраться до Европейского суда.

Сергей Иванов сейчас отдыхает на рыбалке, так как ни к уголовной, ни даже к административной ответственности он не привлечен. На сообщения «Новой» в соцсетях он не ответил.

Андрей УСПЕНСКИЙ,
«Новая»

Lafargue Raphael / ABACA / TASS

«Из нас делают

ВТОРУЮ УКРАИНУ»

Фото автора

Пермские хасиды хотят построить культурный центр. Православные активисты уверены, что это часть плана по захвату России Америкой. Что?!

«В отличие от Путина, в отличие от того, как он строил систему, мы с самого начала строили [пермский культурный] проект таким образом, чтобы он работал после нас», — говорил в конце 2012 года, готовясь к изгнанию из Перми, промоутер современного искусства Марат Гельман. Но вряд ли представлял, насколько окажется прав. 12 августа в Перми прошли публичные слушания по вопросу строительства культурного центра иудейского движения Хабад-Любавич. Если бы у этого перформанса был автор, ему следовало бы вручить высочайшую награду. В течение часа 30 православных активистов кричали на 15 хасидов. Так они надеялись убедить сотню неопределившихся жителей Дзержинского района, что Хабад — это политическая секта, которая пытается захватить власть в России. Корреспондент «Новой газеты» Никита Гирин побывал на слушаниях, поговорил с их участниками и рассказывает историю абсурдной склоки.

«Пусть КГБ поможет разобраться»

Вечером 12 августа у ДК железно-дорожников дежурят два полицейских уазика. Двое сотрудников перед входом, две сотрудницы в фойе. Есть тут, наверное, и оперативники в штатском. Слушания по вопросу строительства хасидского культурного центра — редкая возможность поработать для бездельников из центра «Э». Ведь что только не происходило вокруг этого проекта за последние годы. Одна «группа русской молодежи» закопала голову свиньи на месте будущей стройки. Других национал-патриотов осудили за такое объявление на подъездах: «Хабадники отличаются ненавистью к христианству и крайним презрением к неевреям...»

Прибывающие посетители на стереотипных экстремистов, правда, не слишком похожи. Это всё больше пожилые женщины в цветастых платках, один сухой мужчина в камуфляжной куртке и казачьей шапке-кубанке, один богатырь в майке с надписью «Пересвет». Бабушки собираются у столиков регистрации, галдят. Фойе ДК начинает напоминать рынок. В углу будто специально проходит медовая ярмарка, и сильный запах меда шекочет всем носы.

В старомодный голубой зал на 100 мест набиваются человек 150. Противники культурного центра пускают по рядам свои листовки. Некоторые гости отказываются их брать: «Мы за строительство». «Продали Россию!» — шипит на них женщина, у которой на шее висят сразу несколько бумажных иконок.

О проекте культурного центра рассказывает актер, музыкант, бывший капитан команды КВН «Парма» Александр Смирнов. Уже несколько лет он активно участвует в жизни хасидской общины.

— Участок, — доброжелательно начинает Смирнов, — был выделен общине более трех лет назад...

— Незаконно! — немедленно выкрикивает из зала православная активистка Нина Павлова.

Центр будет заниматься образованием, соорганизацией, проведением праздников и спортивных мероприятий, продолжает Смирнов. Все это будет на благотворительной основе и доступно для местных жителей наравне с членами общины. Также в планах создать здесь что-то вроде московского Еврейского музея и центра толерантности.

— Дзержинский район — это моя малая родина, — говорит другой сторонник проекта, заслуженный артист России

Владимир Гинзбург, пришедший на слушания в свой день рождения.

— Пора на большую! — перебивает Нина Павлова и его. Слово за слово, и в зале уже скандируют: «Русские! Русские! Русским слово!» Рассказ председательницы ТОС «Парковый 1» о ее поездке в Норвегию, где «вообще нет слова «национальность», православные заглушают презрительными аплодисментами.

Наконец получают слово и «русские».

— Мы, православные пермяки, уже два столетия мирно сосуществуем с традиционалистской иудейской общиной, — читает с листка Павлова. — И только появление в нулевые годы вас, секты Хабад-Любавич, вызвало серию скандалов и потрясений. [У вас есть] подпольная синагога, где выделяете обрезания, осуществляете жестокие убийства животных, страшные слухи о которых распространяются по всей Перми.

Через две минуты, отведенные на выступление, Павловой отключают микрофон.

— Дискриминация русских и православных! Юбилеры говорят по пять минут, а русским — строго две! — возмущается главный противник Хабада, бывший замдекана географического факультета Пермского государственного университета Роман Юшков. Ему запретили преподавать в 2017 году. Тогда суд признал экстремистской запись в блоге, в которой доцент призывал не покупать продукты у азербайджанцев. Позже Юшков попал под декриминализацию. Это одно из трех его уголовных дел по 282-й.

В комментариях на странице 48-летнего Юшкова в соцсети «ВКонтакте» мужчину называют «честью и совестью России». Вот и на слушаниях один из записавшихся на выступление добровольно отдает свои две минуты лидеру протеста.

— Я не понимаю, почему никто не сказал, что мы имеем дело с хасидской сектой, управляющейся из Нью-Йорка? Это что,

секрет? Почему на это все закрывают глаза? — гремит Юшков, глядя на сидящего в первом ряду раввина Залмана Дайча. Тот скрещивает руки на груди и не теряет самообладания. — Все мы знаем на примере Европы, что такое толерантность. Это однополые браки. Это иноплеменные толпы, насилующие белых женщин. Мы не хотим никакой музей толерантности на нашей территории!

— Ну хорошо, давай, отдай микрофон другому, — раздраженно советует ему утомившийся дедушка, сидящий рядом со мной.

У противников Хабада остается последний козырь: выступление Татьяны Кротовой. Некоторое время женщина работала секретаршей раввина Дайча.

— Этот центр изолируют от местного населения, сто процентов, — уверена Кротова. — В 2013 году, когда хотели получить участок на Клименко, в центре города, для населения тоже вот эта фишка шла, что это якобы будет благотворительный центр. Но когда мы с раввином ходили на встречи с городским руководством, все время одна и та же тема продвигалась Залманом Дайчем: как изолировать центр от окружающих. Он хотел сразу же обнести забором, огородиться от нас, как от свиней.

По мнению Кротовой, небольшой хасидской общине не нужно четырехэтажное здание.

— Я убеждена, что цели этого строительства другие. Будет точно так же, как на Украине, — предсказывает Татьяна. — Там построилась по всем городам сеть хабадских центров, и сейчас Хабад пришел к власти, потому что Зеленский — это ставленник Хабада. У нас делается то же самое. Из нас делают вторую Украину!

Окончание материала
Никиты ГИРИНА —
СТРАНИЦЫ 18–19 ➔

← СТРАНИЦА 17

Такое заявление порядком напугало тех участников слушаний, которые в этот вечер с трудом оторвались от телевизора. Зашушукались, кажется, даже сторонники строительства. Возможно, они представили кавээнщика Смирнова в Кремле.

— После того как здесь открывают глаза, очень сложно понять, кем в политическом смысле является эта группа евреев, — признается бывшая начальница станции Пермь-2 Ирина Александровна, строгая бабушка с окрашенными в пурпурный оттенок кудрями. — Но я думаю, что Комитет государственной безопасности поможет нам разобраться с этой организацией, имеет она или не имеет право быть в нашем городе и творить!

Глава Дзержинского района полковник Стяжкин объявляет об окончании слушаний, а все возражения предлагает подать в письменном виде. Каждая из сторон радуется чему-то своему. Раввин Дайч обнимает детей и других членов общины. Здоровяк в майке с надписью «Пересвет» обнимает активистку Павлову. «Если бы я их не пербивала, нам бы сразу рот заткнули», — говорит она соратникам на крыльце ДК.

Я позвонил Марату Гельману и попросил его оценить слушания с художественной точки зрения. Галерист прочел эту главку репортажа, посмотрел фотографии и — отказался. «Мне кажется, все это совсем не смешно», — горько заметил он.

«Когда есть что делить, наступают разногласия»

Хабад — это акроним из слов хохма, бина и даат: мудрость, понимание, знание. Движение было основано в 1772 году в Лиозно (нынешняя Витебская область Беларуси) Шнеуром-Залманом из Ляд. Его сын Дов-Бер в 1813 году перенес центр Хабада в смоленскую деревню Любавичи, которая оставалась «резиденцией» движения до Первой мировой войны. Шестой ребе Иосеф Ицхок Шнеерсон, при котором центр Хабада переместился в Ленинград, в 1927 году был арестован и выдворен из Советского Союза. Во время Второй мировой он перебрался из Европы в Нью-Йорк. Оттуда Хабад стараниями Иосефа Ицхока (а позже его зятя, седьмого и последнего любавичского ребе Менахема-Мендла Шнеерсона) стал активно распространяться по миру.

— Хабадники — как солдатики, — говорит мне обаятельный «традиционник» Ефим Бурштейн, председатель пермского Иудейского религиозного общества. Организация занимает историческую синагогу на Екатерининской улице. — Тебе приказали сегодня ехать в Тмутаракань, схватил семью и поехал. А люди по большинству плохо разбираются, кто Хабад, кто не Хабад, — во многих городах других общин просто нет. Так они и стали развиваться. И сделали много хорошего.

В миру Бурштейн — капитан теплохода. Раньше ходил на «Метеоре» до Набережных Челнов. Когда скоростной флот «перестал быть» — пересел на прогулочную «Москву». После ушел преподавать. «Я уверен, что капитан должен был быть коммунист. Потому что иначе не совсем понятно, как заставить тебя лезть в ледяную воду и что-то там заделывать, если заплатить мне тебе нечем. А когда вы коммунисты, можно сказать: «Ну надо, понимаешь? Ну тонем же».

Бурштейн делится со мной своим взглядом на особенности распространения любавичского хасидизма в России.

— Когда советская власть закончилась, те организации еврейские, которые сумели сохраниться, объединились в Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России, КЕРООР. Его материально поддерживал Российский еврейский конгресс, РЕК. В то время РЕК возглавлял [медиаманат Владимир] Гусинский. Потом Гусинского надо стало съезжать, — хитро улыбается Бурштейн и пальцами изображает чью-то клещающую челюсть (видимо, президентскую). — Но поест Гусинского с учетом того, что он был

главой РЕК, было не очень возможно. Что сделали тогда? Создали ФЕОР, Федерацию еврейских общин России, во главе с Берлом Лазаром. И обозначили, что это главная еврейская организация. А у Лазара другие источники финансирования: [«алмазный король», владелец Московского ювелирного завода Лев] Леваев, другие олигархи.

С тех пор в России два главных раввина: Берл Лазар и Адольф Шаевич. Их, словно чемпионов мира по боксу от разных федераций, называют «главный раввин по версии ФЕОР» и «главный раввин по версии КЕРООР». Лазара еще называют «путинским раввином».

Вот поэтому пермские «традиционники», входящие в КЕРООР, и оказались невольными тактическими союзниками местных национал-патриотов. Есть, правда, еще одна причина — идеологическая. После смерти седьмого ребе в 1994 году многие приверженцы Хабада объявили его Мессией, чего другие иудеи принять не могут. Некоторые из них, подобно православным активистам, даже называют Хабад сектой.

— У них на каждом шагу висят портреты ребе. У нас ничего такого нет. У нас сердце, так сказать, в Израиле. У них — в Бруклине, в доме, где жил этот самый ребе. Мы такое не воспринимаем, — сетует капитан-председатель. — Еще они многое делают упрощенно. Написано, что на Песахе застолье должно начинаться после выхода звезд. Прямо написано, почему мы должны рассказывать о выходе из Египта ночью! А они начинают, например, на два часа раньше. А тогда, вообще-то, пост еще. Но они придумали, что так удобнее. Но удобнее вообще ничего не соблюдать, понимаешь?

Аудитория у обеих пермских общин одна и та же (около тысячи человек). Из-

« — ...Печенье в виде «ушей Амана» — это не просто так, это тоже возбуждение ненависти к гоям »

за этого Бурштейн опасается, что историческую синагогу ждет судьба частного магазинчика, рядом с которым построят гипермаркет. «Юшков и прочие» даже звали его выступить на слушаниях. Бурштейн отказался. «Мы стараемся не вмешиваться в ихние дела».

Эскиз благотворительного центра и плана благоустройства

«Из нас вторую»

Националист Роман Юшков

— Я вхожу в Межконфессиональный консультативный комитет. Звонит член комитета, лютеранин: у него прорвало трубу. Я пошел, починил, потому как я механик теплохода. Или как-то у нас денег не хватало, и митрополит нам одолжил. Потому что мы с ними не делим электорат! А когда есть что делить, наступают разногласия. Но есть и общие дела. Хабадники привозят нам мясо из Москвы. Миква (бассейн для ритуального омовения. — Ред.), наоборот, только у нас есть, они ходят к нам. А за кладбищем смотрим вместе, — миротворчески заключает Бурштейн.

Брать Путина за горло

В середине нулевых профессиональный эколог Роман Юшков был леваком и активным участником «Анархо-экологического сопротивления». Эта молодежная группа боролась с «Лукойлом», с опасной утилизацией межконтинентальных ракет вблизи

Перми, захватывала кабинеты главного санитарного врача города и чиновника управления природоохраны.

Сегодня Юшков — «человек право-консервативных взглядов». Он утверждает (и всерьез этим обеспокоен), что на планете осталось всего 7% людей белой расы, и восхищается многодетными русскими семьями.

— Я понял, что левизна — это наивность, инфантильность, безответственность и дружба народов за русский счет, — говорит теперь Юшков, подавая мне ложечку для смородинового варенья.

Дома, в нежно-розовой рубашке, он не очень-то похож на фюрера-рецидивиста с публичных слушаний.

— Я со скорбью сознаю, что мне пришлось выйти из образа респектабельного заместителя декана и работать в режиме истерики, — объясняет Юшков. — Но я чувствовал искреннее возмущение, я понимал, что необходимо что-то сделать, чтобы осложнить им процедуру имитации с явным преобладанием спикеров Хабада, с издевательским двухминутным регламентом.

Прадед Юшкова Александр Генкель был одним из основателей Пермского государственного университета. «А потом моя немецкая бабушка вышла замуж за полуеврейского дедушку. Мне досталась восьмушка, 12,5 процента. Это ерунда, это сколько у Пушкина было эфиопской крови». Кажется, этой восьмушкой Юшков аргументирует, что он не антисемит.

Роман настаивает, что основные его претензии к Хабаду вообще и проекту культурного центра в частности — юридического свойства. В соответствии с Земельным кодексом администрация предоставила общине участок кадастровой стоимостью 73 млн рублей безвозмездно для благотворительных целей. Но в общине допускают, что в культурном центре могут появиться кафе или кошерный магазин.

— А это уже коммерческая деятельность! — возмущается Юшков. — Черт подери, просто купите эту землю себе! Мы будем выглядеть дураками, если

делаю украину»»

Раввин
Залман
Дайч

будем кричать администрации: «Не продавайте!» Но для них важно получить на халяву у гоев!

Также Юшков недоволен, что для церемонии внесения свитка Торы в Перми перекрывают центральные улицы и что на праздник Пурим хасиды устанавливают символические виселицы, а детям дают печенье в виде «ушей Амана». (Аман — это персонаж Ветхого Завета, который хотел истребить всех евреев, а в итоге сам был повешен).

— Меня коробит, что в моем городе такое происходит, — говорит Юшков. — Да, это старые еврейские традиции, но даже «традиционниками» они уже забыты. Печенье в виде «ушей Амана» — это не просто так, это тоже возбуждение ненависти к гоям.

Я спрашиваю Юшкова, стал бы он протестовать, если бы участок с такой кадастровой стоимостью бесплатно получили недобросовестные русские.

— Это мне было бы менее интересно, — признает националист, — потому что на русских набросилась бы огромная толпа либеральных журналистов, местных и из «Новой газеты». А от еврейского вопроса либеральный журналист начинает дрожать, бояться, что он сейчас что-нибудь не то скажет. А я не боюсь. Я чувствую своей миссией заполнять вот эту нишу.

Юшков доверительно рассказывает мне, что Хabad уже окружил Дональда Трампа (его дочь Иванка и ее муж, советник президента Джаред Кушнер, действительно ходят в хабадскую синагогу). Да и в Кремле Берл Лазаря якобы «открывает двери ногой».

— То есть опять, — смеюсь я, — всемирный еврейский заговор?

— Почему заговор? — серьезно спрашивает эколог. — Заговор — это что-то секретное. А тут все откровенно.

— А Путин и ФСБ бессильны перед Хабдом, что ли?

— Да, — отвечает Юшков, и я начинаю переживать, что после такого заявления он получит еще одно дело, за оскорбление власти. — Геополитические позиции

« — Потом Гусинского надо стало съесть, — хитро улыбается Бурштейн и пальцами изображает чью-то клацающую челюсть (видимо, президентскую) »

России слабы по сравнению с Америкой. Наш бюджет — бюджет пары штатов. Путин ничего не может с этим сделать.

— Так это конфликт не с евреями, а с Америкой?

— Можно сказать и так, но Америка — это тоже еврейский проект.

— И как же спасать Россию?

— Вот это самый больной вопрос, — отвечает Юшков с нервным смешком. — Вы видели, как мы пытались это сделать. Мы показали и Хабду, и чиновникам, что все-таки местные, русские, православные на что-то влиять могут, хотя бы на низовом уровне. Я не сторонник цветной революции. Выходить на улицу надо, но не чтобы свергать власть, а чтобы брать ее за горло и конструктивно давить, в том числе на Путина.

— И кто-нибудь уже брал Путина за горло?

— Нет конечно. И шансы близки к нулю, — поникает националист. — Потому что русские — это наивный народ-ребенок, он ждет справедливости от царя-батюшки, не понимая, что царь настолько опутан обязательствами, хабдами, олигархами, чеченами, что без русского соучастия в давлении на него наивно рассчитывать, что он сможет о ком-то заботиться. То, что на тебя не давит, — на это невозможно опереться. Поэтому Путин опирается на Хабда и на чеченов.

Довольный подысканной метафорой, Юшков гостеприимно подвигает баночку варенья ближе ко мне.

Это не Пермь

«У нас говорят так: если человек тебя обижает и ты ему не отвечаешь — это будет самое лучшее искупление грехов», — рассказывает раввин хасидской общины Залман Дайч по телефону заместительнице мэра Перми Лидии Королевой. Ее звонок прервал нашу беседу.

С раввином Дайчем я пытался встретиться еще до слушаний. «Хоть раз, — думал я, — воспользуюсь «патриотическим» мифом, что «Новая газета» — это еврейский боевой листок». Но секретарша раввина на мою просьбу об интервью только поджала губы и замотала головой. А сам Дайч, заметивший меня в открытую дверь, испуганно посмотрел на протянутую ему руку и затараторил: «Нет, нет, я очень занят, нет».

Через пару дней после слушаний пере-до мной сидит другой Залман Дайч — жизнерадостный, подвижный господин с седой бородой. Он извиняется за первую встречу: «Мы в тот момент как раз поняли, что провокаторы будут срывать слушания, и я отговаривал членов общины туда идти».

Перед беседой раввин ставит условие: говорить только о «позитиве». Но сам начинает с неприятного.

— На слушаниях были мои дети. Я мужчина, я не плачу. Но если бы я был женщиной, я бы сейчас плакал, — говорит Дайч, и у него вправду дрожит голос. — Дочка потом спросила: «Папа, а как ты держался?» Мы не ожидали [таких слов про себя]. Мы живем здесь 18 лет и никогда ничего не боялись. Мы гуляем по набережной и не прячем, что мы евреи, разговариваем на иврите. Вот это Пермь. А эти 30 человек — это не Пермь. Они пытаются показать город в другом свете. Я надеюсь, что вы сможете показать город, как он есть на самом деле.

развивать, пока мы находимся в этом помещении. Если вы хотите делать хороший социальный объект, нужен сквер рядом. Тут все окна выходят на дорогу, шумно. Мы же делаем не для сегодня, а вперед на 30 лет, а то и на сто.

От плана строить вторую синагогу (с такой идеей община выходила на слушания в 2013 году) Дайч отказался.

— У нас есть синагога в Перми. И я считаю, что люди, которые там работают, работают хорошо. Просто раньше у нас не было понимания, что людей, которым нужны постоянные религиозные активности, в Перми не так много. А вот в национальной культуре очень большая потребность.

В подтверждение раввин рассказывает, что в этом году община участвовала в «Ночи музеев», посетители (они были разных национальностей) и не уходили из центра до половины третьего. «Я молился: пожалуйста, пусть приходят хотя бы 50 человек. Пришли больше 300. И потом остались общаться, спрашивали, будут ли у нас еще подобные акции. Поэтому [в новом здании] обязательно должно быть что-то типа центра толерантности для горожан, которые хотят знать, что такое еврейский народ, который живет в Перми больше 200 лет».

Раввин подчеркивает: если раньше с помощью нового культурного центра община планировала развивать себя саму, то теперь акцент сделают еще и на развитие микрорайона.

— Поскольку там, где нам выделили участок, недостаточно социальной инфраструктуры, мы обязательно будем ею заниматься, мы по-другому просто не сможем вести себя, — дает слово Дайч. — Мы будем думать, что нужно именно жителям этого микрорайона. Это смешно и неправильно, если еврей будет ехать сюда с другого конца города, а человек, который живет через дорогу, не сможет найти себе занятие у нас.

Дайч обещает, что пользоваться спортзалом и помещениями центра смогут все. «Насколько это будет совсем бесплатно или по себестоимости — вопрос, но мы не будем зарабатывать за счет людей, это сто процентов. Благотворительность — это не когда люди используют организацию, куда они ходят. Получить — да. Использовать — нет. Этому мы тоже учим».

— Вот раз в год нужно делать собрание ТСЖ, — приводит пример Дайч. — В новых домах есть какие-то фойе, в старых — нет. Раньше люди могли собираться в школах, сейчас с этим строго. Если придут жильцы и спросят: «Дадите нам зал?» Ну конечно! Что нам стоит? Позвать уборщицу до и после! Будем давать всем: жильцам, ветеранам, даже другим конфессиям, если нужно.

Я уточняю у раввина, может ли все-таки в будущем центре появиться кафе.

— Только если это допускает закон, — отвечает Дайч.

— Ни о каких кафе, магазинах речи быть не может, — объясняет мне начальница департамента земельных отношений администрации Перми Ольга Немирова. — Внутреннее наполнение центра должно оставаться в рамках благотворительного назначения.

Чиновница была ведущей на слушаниях и о своем отношении к происшедшему там говорит однозначно.

— Я тоже нерусская, например, я мордовка. И мне вот, знаете, слышать слова, которые скандировались: «Русские, русские!» — мне что, нужно было встать и уйти? Так нельзя. Мы уже одну страну потеряли, которая скачет и кричит лозунги. Было ощущение, что [православные активисты] подготовку там же проходили, — делает неожиданный вывод Немирова, и я окончательно запутываюсь, кто и по версии какой федерации во всем виноват.

Городская администрация примет решение по проекту в ближайшие недели.

Никита ГИРИН, «Новая»
Фото автора

День Д · раздвоения не бюджет

День Д — фестиваль Сергея Довлатова — пройдет в Петербурге с 31 августа по 2 сентября

Довлатовский фестиваль уже стал привычным для города. Для его проведения организаторы два раза (в 2016 и 2017 гг.) собирали деньги на краудфандинговых площадках. В этом году Смольный впервые нашел возможность поддержать праздник. Однако не обошлось без конфуза: на субсидию подали заявки сразу два довлатовских фестиваля: один — привычный петербургский, второй — внезапно появившийся московский. В мае 2019 года Комитет по культуре одобрил обе заявки. За несколько дней до фестиваля столичные организаторы загадочно исчезли, объявив, что ничего делать не будут, и оставив в недоумении и городских чиновников, выделивших им деньги, и горожан, так и не понявших: а что это было?

«Такая вещь пропадает»

День Д — любимое детище историка, писателя, исследователя творчества Довлатова Льва Лурье и журналиста Анастасии Принцевой.

«Рождение фестиваля — многоэтапный процесс, — рассказывает Лурье. — Сначала был снят фильм «Живая история. Довлатов», потом установлена мемориальная доска писателю, затем мы в соавторстве с Анной Коваловой издали книгу о Довлатове. А потом с Настей Принцевой и единомышленниками задумали День Д».

«В 2016 году к 75-летию Довлатова в Петербурге никто не готовился, — добавляет Принцева. — Поэтому мы и взяли за этот проект. Два года подряд нам помогали спонсоры. Если в 2016-м мы не просили у города денег и даже не надеялись на помощь, то в 2017-м подали заявку на 1,8 млн руб., но получили отказ».

По подсчетам организаторов, на трехдневный фестиваль необходимо около трех миллионов рублей. В этом году в Комитете по культуре они запросили лишь полтора миллиона: сведущие люди порекомендовали не замахиваться на большее. Но когда Смольный распределил субсидии на 2019 год, выяснилось, что такая же сумма (1 млн 454 тыс. руб.) и на те же цели отдана московскому журналу «Октябрь». Ситуация сложилась пикантная. «Я подала заявку в петербургский комитет по культуре, так как заметила, что «День Д» исчез из медиаполя в 2018 году, — объясняла «Новой» в начале лета главный редактор «Октября» Ирина Барметова. — Я не собиралась ничего отбирать или приватизировать, мне просто стало жаль, что такая вещь пропадает».

«Сколько петербургские организаторы Дня Д попросили денег, столько и получили, — комментировал в разгар скандала «Новой» председатель петербургского комитета по культуре Константин Сухенко. — Да, в этом году мы смогли выделить средства на два мероприятия. Что в этом плохого?»

Узнав, что команда Лурье планирует возобновить проект в 2019 году, Барметова говорит, что сразу позвонила историку.

«Я сообщила ему о своей заявке, подчеркнув: если я выиграю, то приглашаю вас делать фестиваль вместе. Я сказала, что мы можем дополнить друг друга. Лев Яковлевич обрадовался: «Конечно, москвичи нам нужны». Но после того как мы оба выиграли, 24 мая, в день открытия фестиваля «Бродский фест» (его организатор — тоже литературный журнал «Октябрь», — Н. П.), моему помощнику позвонила Анастасия Принцева и заявила, что мы забрали у них праздник и никаких договоренностей не было!»

«Барметова мне даже не заикалась, что тоже подает заявку, — опровергает Лурье. — Работать вместе — еще не значит захватывать чужое начинание. Я подчеркивал, что фестиваль будем проводить мы и идея и название наши».

«Я не претендовала на название, — парирует Барметова. — Тем более что оно принадлежит организаторам Дня Достоевского — первый День Д был Днем Достоевского. (Барметова путает: день Достоевского называется «День До», — Н. П.). Никакого второго Дня Д нет. У нас будет просто расширенная программа: викторины, квесты, конкурсы, олимпиады. Мы используем рэп, чтобы привлечь не только ветеранов, но и молодежь. По улицам пройдет шествие горожан, работавших истопниками, лифтерами и матросами, как в свое время Довлатов».

Озвученные планы смутили городскую культурную общественность еще больше: Барметова уже проводила «Бродский фест» в Петербурге и «Аксенов-фест» в Казани — и к обеим ее инициативам остались большие вопросы.

«Аксенов мимоходом»

«Аксенов-фест» был задуман в Казани в 2007 году, в год 75-летия Василия Аксенова. Первый фестиваль прошел еще при участии самого Аксенова. В 2009-м писателя не стало, но мероприятие осталось важным событием в культурной жизни столицы Татарстана. Бюджет «Аксенов-фест» в Казани еще внушительнее, чем у всех аналогичных фестивалей в Питере. Например, в 2017-м он составил 5,5 млн рублей.

С 2016 года основным организатором «Аксенов-фест» сделалась Ирина Барметова, и тут же возникли конфликты. Племянник Василия Аксенова писа-

тель Александр Змеул публично заявил о намерении судиться с организаторами мероприятия из-за использования имени и образа Василия Аксенова при проведении «Аксенов-феста» без согласия правообладателей.

Как объяснил Змеул в интервью интернет-изданию «Реальное время»: «Впервые в 2016 году меня пригласила на «Аксенов-фест» Ирина Барметова. (...) Побывав на фестивале, я был удивлен тем, насколько Аксенов неинтересен его устроителям. Вернее, интересен как бренд, под который можно получить деньги, устроить литературную тусовку в Казани, пообщаться с мэром, ну и мимоходом — вспомнить Аксенова. Главным хранителем наследия Аксенова в Казани отчего-то считают главного редактора журнала «Октябрь» Ирину Барметову, которая именуется координатором фестиваля. Правда, наследники и правообладатели не в курсе ее заслуг в деле памяти Аксенова».

До суда тогда дело не дошло. Барметова прокомментировала эту ситуацию «Новой» так: «Об «Аксенов-фесте» мне нечего сказать, потому что Змеул уже куда угодно написал. Куда бы и что Змеул ни подавал, мы не нарушали никакие правила, ничего».

Быстрые деньги

На первый международный фестиваль «Бродский фест» в мае в Петербурге, приуроченный к 79-летию поэта, редактор столичного журнала получила из бюджета 1,9 миллиона рублей. Обещала собрать в Петербурге известных поэтов, писателей, литературоведов, художников, музыкантов, режиссеров со всего мира. Но далеко не все знаменитости приехали именно на это шоу. «Бродский фест» совпал по датам с петербургским Книжным салоном, и многие писатели ехали на него, а на празднике Барметовой оказались попутно.

«Я предупреждал Барметову, что в дни «Бродского фест» буду занят, — рассказал «Новой» Яков Гордин, историк, писатель, друг Иосифа Бродского. — Я и не собирался в это дело втягиваться, поскольку фестиваль был неожиданным, странным, сделанным в обход тех людей, которые по-настоящему занимаются Бродским».

«У меня не было конфликта с Барметовой, но партнером я себя не ощутил, — считает историк, куратор проекта Brodsky.online Павел Котляр. — Я был удивлен именам, которые Барметова заявила в программе. Звонил этим людям, а они были не в курсе, что в нее включены. С точки зрения организации «Бродский фест» был блефом от начала до конца. Все, что в нем было о Бродском, сделал Музей Анны Ахматовой. Но и это не являлось новой программой, музей показывал ее уже неоднократно. Вызывает вопрос — на что потратили почти два миллиона рублей?! Фестиваль прошел более чем скромно. Не было ни фото-, ни видеосъемки. Даже бей-

джи не сделали. Я не обвиняю никого ни в хищении, ни в растрате. Но сумма ушла внушительная, а она необходима на реальные вещи — например, на создание Музея Иосифа Бродского».

«Я трижды подавала заявку на реставрацию кабинета Иосифа Бродского и трижды получала отказ, — говорит директор Музея Анны Ахматовой Нина Попова. — Я вообще не помню такого, чтобы Комитет по культуре что-либо одобрял в Петербурге, связанное с Бродским. За что Смольный дал этой московской даме такой карт-бланш — для меня тайна за семью печатями. Сама организация фестиваля никого открыто не удовлетворила: не было ничего оригинального. Изначально я считала, что Барметова сумеет всех объединить, найти контакт с городом, но она этого не смогла».

«„Бродский фест“ делался фактически без нас, — признается искусствовед, председатель совета фонда создания музея Иосифа Бродского Михаил Мильчик. — Это можно было бы простить, если бы сейчас та же самая некорректная история не повторилась с Днем Д. С моей точки зрения, одновременно два довлатовских фестиваля неуместны».

Ушла по-английски

По информации «Новой», одним из пунктов в московской программе мероприятия намечалась серия флэшмобов в Музее железнодорожного транспорта с привлечением петербургских студентов. Остро встал вопрос о том, что без цитат писателя не обойтись.

В августе 2019 года Барметова обратилась к вдове и дочери Довлатова, проживающим в США, с просьбой дать ей законодательно необходимое разрешение на использование творческого наследия писателя. Однако Елена и Екатерина Довлатовы то ли отказали Барметовой, то ли отправили ее со всеми вопросами к организаторам Дня Д. Затем от затеи отсекся и музей.

«Примерно две недели назад по электронной почте мы получили письмо от Ирины Барметовой, где она заявила, что отказывается от предоставленной ей субсидии, — 25 августа сообщил «Новой» Константин Сухенко. — Она объяснила это тем, что у нее не сложились отношения с родственниками писателя — правообладателями творческого наследия Довлатова. Мы ответили ей предложением провести мероприятие в какой-то другой форме. Никакого ответа не получили. На связь она больше не выходит. В итоге мы пока не имеем должным образом оформленного отказа с оригиналом подписи Барметовой, но поняли, что День Д она не будет проводить ни в каком виде».

«Новая» попыталась получить комментарий Ирины Барметовой, но та на звонки не ответила.

Субсидию, выделенную Барметовой, в Комитете по культуре рассчитывают вернуть, чтобы перераспределить на другие статьи бюджета.

Нина ПЕТЛЯНОВА

ПРОГРАММА ФЕСТИВАЛЯ ДОВЛАТОВА «ДЕНЬ Д – 1989»

30 августа

19:00 Приоткрытие фестиваля. Открытие фотовыставки Марка Сермана «Город, где жил Довлатов» и встреча с автором. Domina Hotel St. Petersburg (наб. реки Мойки, 99). Выставка будет работать до 6 октября ежедневно, с 10:00 до 22:00. Вход свободный.

31 августа

15:00 Открытие фестиваля. Круглый стол «Довлатов и воронка 1989 года». Актный зал СПбГУ (Университетская набережная, 7).

12:00–15:00 «Пиджак Довлатова»: благотворительная фотосессия в поддержку фонда Ad Vita от фотографа Юрия Молодковца (вы можете примерить настоящий пиджак Довлатова и получить фотографию на память). Social Club (ул. Рубинштейна 40/11).

17:00 Показ документального фильма Ильи Верхоглядова «Демарш энтузиаста». Открытая киностудия ЛЕНДОК (наб. Крюкова канала, 12).

18:00 Вечер поэзии 80-х. Ведущий Яков Гордин. Свои стихи читают поэты: Владимир Рецептер, Александр Кушнер, Сергей Стратановский, Петр Чейгин, Елена Пудовкина, Александр Танков, Александр Фролов, Виталий Дмитриев, Валерий Скобло, Николай Кононов, Алексей Машевский, Елена Дунаевская. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Литейный пр., 53).

18:00 Премьера виртуального спектакля-прогулки режиссера Михаила Патласова «А я Довлатова видел» (ул. Рубинштейна, 23).

19:30 «Довлатов. Новеллы». Спектакль театра «Мастерская» Григория Козлова. Открытая киностудия ЛЕНДОК (наб. Крюкова канала, 12).

20:00 Открытие выставки «Город-герой Ленинград». Фотографии 80-х Бориса Смелова. Dom Boutique Hotel (Гангутская ул., 4). Выставка работает до 14 сентября, ежедневно, с 10:00 до 22:00. Вход свободный.

20:00 Предпремьера спектакля режиссера Семена Серзина «Радио «Свобода». Social Club (ул. Рубинштейна 40/11).

Весь день будут проходить экскурсии «Довлатов вокруг Рубинштейна» и квесты от ул. Рубинштейна, 23.

1 сентября

12:00 Экскурсия Льва Лурье «Довлатов вокруг Рубинштейна» от ул. Рубинштейна, 23.

День Д в книжном магазине «Подписные издания» (Литейный пр., 57):

13:00 Презентация пятитомного собрания сочинений Сергея Довлатова под редакцией Игоря Сухих.

14:30 Презентация книги воспоминаний отца Довлатова Доната Мечика «Театральные записки. Воспоминания. Письма сыну Сергею Довлатову». Представляет Андрей Арьев.

Выставка книг о Сергее Довлатове и его времени, акции.

Дом журналиста (Невский пр., 70):

13:00 Лекция Киры Долининой «Свобода — это смех. Новые художники в Ленинграде».

15:00 Диалог Лев Лурье – Глеб Морев «1989: Культурный взрыв».

19:00 Вечер воспоминаний «Довлатов в Нью-Йорке», ведущий – Андрей Арьев.

Social Club (ул. Рубинштейна, 40/11):

12:00–15:00 «Пиджак Довлатова»: благотворительная фотосессия в поддержку фонда Ad Vita от фотографа Юрия Молодковца.

15:30–17:00 Секретная лекция Максима Семеляка.

17:30–19:00 Бранч с Михаилом Скипским «Довлатов и 80-е».

19:30–20:00 Пьяный диктант по произведениям Сергея Довлатова (проводит Юрий Каракур).

20:00–21:00 Похмельное сочинение по произведениям Сергея Довлатова (проводит Юрий Каракур).

15:00 Лекция кинокритика Станислава Ростоцкого «Эпоха видеосалон» с показом фильмов VHS в ретроавтобусе.

16:00 Музыкально-литературное выступление «Довлатов с хасидским акцентом» Виктора Амчиславского и дуэта «Три мнения». Кафе «Рубинштейн» (ул. Рубинштейна, 20).

16:00 Виртуальный спектакль-прогулка режиссера Михаила Патласова «А я Довлатова видел» (ул. Рубинштейна, 23).

С 12:00 до 18:00 от ул. Рубинштейна, 28:

- Экскурсии на ретроавтомобилях и автобусах «Ленинград Довлатова».
- Квесты вокруг улицы Рубинштейна, мастер-классы по брейк-дансу, викторины, розыгрыши, чтение поэзии 80-х.
- Чтение произведений Довлатова.
- Электродекламация «Стихи Довлатова и вариации на тему» от «Простывшего пассажира трамвая № 7» (Ваня Пинженин и Дима Етоето).

18:00 Выступление гостей фестиваля на сцене и возложение цветов к памятнику Довлатова.

18:20 Парад фокстерьеров.

Музыкальные концерты:

15:00 – «Не (мой) фронт».

17:00 Кондаков/Гайворонский (к юбилею клуба JFC).

18:30 проект «Ионотека-Довлатов»: «Ритуальные услуги», «Девственность», «Бенгальские подонки».

19:30 Алексей Вишня.

20:00 АВИА.

Ул. Рубинштейна, 28, и сквер Довлатова на Загородном проспекте, 15–17:

- Джазовые выступления, детские и взрослые мастер-классы и интерактивные игры, стрит-арт (Стас Багс и другие художники), инсталляции, телефонная будка «Звонок Довлатову», газетные и книжные стенды и другие развлечения.
- Акция «Рюмочный ход» в различных заведениях на улице Рубинштейна.

2 сентября

20:00 Людмила Петрушевская «Я из восьмидесятых. Кабаре пани Петрушевской». ЕСОД (Большая Разночинная ул., 25а).

Параллельная программа:

«ВАШ Сергей ДОВЛАТОВ»

- Центральная библиотека им. Лермонтова, (Литейный пр., 17–19).

- Библиотека «Семёновская» (Московский пр., 50/42).
- Библиотека им. Н. А. Некрасова (пр. Бакунина, 2).

За обновлением программы следите на сайте <https://www.dovlatovday.ru>.

Словосочетание «подарок Газпрома» сродни сигналу воздушной тревоги. Небоскреб на Охте подносился Алексеем Миллером как новый символ Петербурга, призванный сформировать новую ментальность. С трудом отбили. Но посеянная в Лахте гигантская кукурузина проросла в панораме Петропавловской крепости. Новый стадион на Крестовском (ради которого снесли старый, уникальный памятник работы архитектора Никольского) тоже анонсировался как подарок Газпрома. В итоге он не вложил ни копейки; городскому бюджету эта стройка века обошлась в 43 миллиарда, и арена отошла на 49 лет ФК «Зенит» (контрольный пакет акций клуба принадлежит Газпрому) за символический рубль ежегодной арендной платы. На этом фоне уже сущей мелочью видится другой газпромовский «подарок» — мини-город в Александровском парке с китчевыми скульптурными группами. Установка и сопутствующее топорное благоустройство тоже оплатили из городской казны. Даритель, навязавший этот противный ландшафтному памятнику комплекс, оказался не гораздо обеспечить даже надлежащее его содержание и не придумал ничего лучшего, как просто запереть на замок с исхода осени до конца весны.

С 2008 года Газпром взялся спонсировать комплексное благоустройство исторических улиц — за что еще губернатором Полтавченко господин Миллер был награжден почетным знаком «За заботу о красоте города». Хотя далеко не все разделяют такое представление о красоте: ревнителям старого Петербурга не по душе тотальная замена асфальта тротуаров на гранитную плитку (превращающуюся зимой в каток) с попутным уничтожением сохранявшейся под ним старинной брусчатки и установкой безвкусных малых архитектурных форм, несоразмерных новых светильников и каменных скамеек, на которые в холода никто не рискует присесть. Но массовых протестов эти новации не вызвали (непритязательные горожане довольствовались тем, что чистенько — и ладно), пока не дошло до благоустройства Петроградской стороны. Благотетелям на сей раз не повезло с местными жителями — концентрация просвещенных аборигенов, историков, профессиональных архитекторов, дизайнеров и реставраторов оказалась критической.

Одной из первых забила тревогу дизайнер, историк мебели, исследователь русских столярно-мебельных работ конца XIX — начала XX в. Янина Парунова, когда пропали аутентичные двери с двух домов Большого проспекта, № 63 и 33а. Хотя программой благоустройства анонсировалась замена страшных металлических дверей, массово устанавливавшихся в нулевые, на приближенные к историческим деревянные, неожиданно под «благоустройство» попали и уцелевшие подлинники.

«Обе двери дубовые с резьбой, в стиле ренессанс, — рассказала Янина. — Можно представить, каково было людям, прожившим в доме много лет и ценящим его красоту, увидеть, что прекрасная старинная дверь снята. Объявления, в которых собственников предупреждали о предстоящей замене двери, были вывешены только на следующий день после установки новой. То есть воспротивиться этому безобразию возможности уже не было. Мы позвонили в КГИОП с сообщением о происходящем, тогда еще была дверь на доме 63. Что услышали в ответ? Отказ выехать на место и обычное чиновничье: «Пишите заявление, а мы рассмотрим».

Новая дверь в доме №69 на Большом проспекте П. С.

Осторожно, двери открываются

В охваченных Газпромом зонах «благоустройства» горожане ведут счет потерям исторического наследия и организуют оборону своих домов

Жильцам, бросившимся искать пропавшую, вместе с Яниной удалось обнаружить ее в жилищном сервисе и «вывезти в надежное место». К решению проблемы подключились градозащитники — Анна Капитонова и Александр Кононов из питерского ВООПИиК.

«На Большом проспекте теперь много новых дверей, поставленных по этому «подряду», — продолжала Янина свою «хронику безобразий» в сообществе «Петроградская диаспора». — Вид у них строгий, офисный, но совсем чуждый фасадам, на которых они стоят. Проблема в том, как они нарисованы: детали, будучи бессмысленно скопированы, превращаются в карикатуру. Отделка,

профили, к сожалению, крайне неудачны».

«Вчера демонтировали еще две двери, и на их место установили неточные копии, — сообщила волонтер-реставратор фонда «Внимание» Ника Артемьева. — Это случилось в двух парадных доходного дома Алешинского (Большой пр., 69). От предыдущих замен здание отличается охранный статус — дом признан объектом культурного наследия. Соглашения работ по таким объектам находятся в открытом доступе, но на сайте КГИОП нет соответствующей экспертизы по этому зданию. Вероятно, работы проведены незаконно. Рабочие оставили фрагменты оригинальных дверей

в парадных. Конечно, исторические двери были в плохом состоянии, но это не значит, что их нужно было полностью менять. Двери дома Алешинского требовали бережной реставрации. Входная группа была весьма крепкой, но даже если бы какие-то ее части оказались сгнившими, то реставраторам следовало бы изготовить точные копии с повторением всех размеров и форм и дополнить ими оригинальную дверь. Но подрядчик просто проигнорировал значимость подлинных деталей и поменял двери на плохие копии».

Оригинал спасла живущая в этом доме Мария Мурашова — оплатила грузовое такси, вывезла в надежное место. Она же собрала и сохранила в надежде на будущее восстановление фрагменты старой напольной плитки, которую раскололи рабочие при установке новых дверей.

Жильцы дома настаивают, что никто их не информировал о предстоящих работах. В субботу днем оригинальные двери еще были на своем месте, вечером оказались сняты и прислонены к стене внутри парадной, затем их место заняло нечто из серии поделок гробовых дел мастеров. На внутренней двери было

« Днем оригинальные двери были на месте, вечером оказались сняты и прислонены к стене внутри парадной, затем их место заняло нечто из серии поделок гробовых дел мастеров »

прилеплено объявление о замене — с пробелом вместо даты.

В доме 7/4 исторические двери были утрачены несколько лет назад, но сохранился дверной портал: он выделялся изяществом, декором в стиле Людовика XVI, с цветочными гирляндами, подвешенными на лентах, с бантами, как описывает его Янина Парунова. Подрядчик установил режущие глаз новые створки, будущее исторических боковых частей остается неясным.

Сняли двери дома 53 — «прекрасный образец довоенной столярной работы», по оценке Янины.

Демонтировали и заменили на новые исторические двери дома 62-64 — при том что они были отреставрированы собственниками за свой счет в 2012-м, с восстановлением резьбы. Реставрация тогда обошлась им очень дорого. Но за прошедшие семь лет «графитчики и ЖСК совместными усилиями привели ее почти в исходное состояние», — признает один из жителей, дизайнер интерьеров Артем Спиридонов. Причем, полагает Артем, больший вред нанес именно ЖСК: «Они как сумасшедшие перекрашивают эти двери раз в квартал. Под действием многочисленных слоев жэковской краски наша профессиональная антивандальная краска отслаивается. Поэтому теперь наша дверь вот такая... Но мы все равно ее любим».

Здесь в итоге удалось найти компромисс: подрядчики отдали снятую старинную дверь жильцам, пообещав за свой счет установить ее вторым рядом, как внутреннюю.

В домах № 6, 10—12, 25, 35, 61 установили однотипные новые двери, не считаясь с индивидуальными особенностями каждого здания. Неудачными, топорно исполненными репликами считают независимые эксперты новые порталы в домах 7/4, 17, 33а, 63, 69, 86, 82, установка которых повлекла к тому же изменение оригинальной конфигурации проемов.

В Газпроме заявляют, что программа их благоустройства на Петроградской стороне охватывает 62 объекта. Но их список остается тайной для собственников, с мнением которых не видели нужды сверяться ни даритель, ни его многолетний партнер, традиционно исполняющий функции заказчика, — ассоциация «Дормост». За годы этого взаимовыгодного сотрудничества «Дормост» успел освоить свыше 10 млрд, и его руководитель Кирилл Иванов искренне возмущен поднятым теперь неблагоприятными жителями шумом. Поначалу он заверял, что на работы имеются все необходимые разрешения, в том числе согласие собственников. Потом вынужден был признать, что согласования КГИОП нет. Но, похоже, господин Иванов не видит греха в нарушении требований законодательства. «Согласование любых намерений с КГИОП — процесс весьма затруднительный и занимает в основном порядка 10—12 месяцев, мы бы просто не смогли ничего сделать», — пояснит он «Собаке.ру».

К тому же, по заверениям Иванова, каждая историко-культурная экспертиза на такие работы обходится в кругленькую сумму — в одном интервью сказал: «около 600 тысяч рублей», в другом — уже «до 800 тысяч», да еще «6 месяцев будет писаться». Однако сложившаяся практика показывает, что и суммы, и сроки глава «Дормоста» завысил примерно втрое. Предъявить бумаги с якобы полученным согласием жителей в «Дормосте» отказываются, ссылаясь на тайну личных данных подписантов. Но даже если бы такие бумаги существовали (что отрицают опрошенные жильцы попавших под газпромское благоустройство домов), их юридическая значимость ничтожна. По закону требуется согласие не менее 67% всех собственников, зафиксированное в протоколе общего собрания (с участием не менее 51% владельцев помещений).

Большой проспект П. С, 63. Было...

И согласно установленной процедуре, о проведении такого собрания (в очной, заочной или очно-заочной форме) всех собственников обязаны оповестить не менее чем за 10 дней — заказным письмом или под личную подпись о вручении.

Лукавит господин Иванов и когда пытается заверять, будто, если дом не является охраняемым объектом культурного наследия, не требуется задание и разрешение в КГИОП. На самом деле изменение внешнего облика лицевых фасадов любых исторических зданий (постройки до 1917 года) допустимо только по согласованию с комитетом.

Кроме того, привлеченное в качестве подрядной организации ООО «Студия дизайна интерьера» не имеет лицен-

Стало

зии Минкульта, необходимой для работ на объектах культурного наследия (а таковых среди попавших в газпромский план замены дверей на Петроградской стороне — 15).

Свою оценку теперь предстоит дать прокуратуре, куда обратились участники сообщества «Петроградская диаспора».

В адрес недовольных качеством работ от господина Иванова уже прилетели упреки в «потребительском терроризме». Ранее, на организованном «Деловым Петербургом» круглом столе, он же объяснял спешку с заменой дверей тем, что «Мы должны завершить работы к 1 сентября... Газпром выделяет средства здесь и сейчас; за сезон мы должны выйти на объекты и уйти с них, передав на баланс городу».

Большой проспект Петроградской стороны, 7/4

21 августа представители Газпрома, подрядчика, КГИОП и глава администрации Петроградского района Иван Громов сходили-таки по Большому: прибыли на место, оценили ситуацию. Выездное совещание прошло без лишней огласки, официальных сообщений о нем не последовало. Но на другой день КГИОП выпустил релиз, информируя о начатой им проверке.

В комитете подтвердили, что работы по замене дверей велись без его согласования. За что, согласно КоАП, виновное юридическое лицо могут обязать выплатить штраф — от 100 тыс. до 1 млн рублей.

Если верить пресс-службе Газпрома, по итогам этого совещания была достигнута оригинальная договоренность: «Мы дождемся завершения всех работ, чтобы можно было оценить итоговое состояние. После этого, если в каком-то из подъездов собственники решат, что старая дверь им нравится больше, ее вернут на место».

Вобщем, Газпром остается верен себе: плывать они хотели на отсутствие согласований собственников и КГИОП, а также должной лицензии у подрядчика, это все не повод останавливать работы. Не понравится результат — вернемся к исходному. Им самим результат как будто и не важен вовсе. Важен процесс, процесс освоения денег. И сколько бы ни называли себя меценатами, спонсорами или благотворителями, не стоит забывать: Газпром более чем наполовину государственная компания.

По информации «Петербургской диаспоры», на этой неделе должна состояться встреча «Дормоста» с градозащитниками из ВООПИИК и фонда «Внимание», с участием Янины Паруновой и депутата Бориса Вишневецкого.

«Дормост» не теряет надежды убедить критиков, что руководствуется исключительно благими намерениями и не меньше своих оппонентов радует о сохранении облика исторического Петербурга. Приглашенной стороне больше интересна конкретика: хотят видеть документы, сметы, обоснования и, конечно, полный список подлежащих «благоустройству» объектов.

Разговор, надо полагать, не ограничится только темой замены дверей: множество нареканий вызывает качество и других работ. Так, жительница дома 39 Арина Журавлева обращает внимание на то, что при замене дверь развернули в другую сторону «и сделали откос на тротуаре, чтоб сразу ногу подвернуть, когда вышел» (на прилагаемом снимке видно, что горизонтальное гранитное мощение идет только до середины дверного проема, а далее установлено под углом, на манер катальной горки). Возмущение жителей вызывают и несоразмерные ширины улицы высоченные новые фонари — гадают, сколько из них попадает на головы при первом шквальном ветре; и нелепые подделки под исторические колесоотбойники — выкрашенные серой краской металлические болванки, больше похожие на уличные пепельницы, к тому же поставленные так, что не способны защитить края арок.

«Теоретически после такого изнасилования проспекта предъявлять претензии, что насильник был небрит, конечно, смешно, — иронизирует Галина Пальчик. — Но хочется знать имя. Ржавчина на каждом столбе [ограждения] этого частокола (про дизайн умолчу, видимо, это дизайнер в звании прапорщика), столбы все стоят косо, ни вертикали, ни горизонтали, ничего не соблюдено, столбы для знаков воткнуты вообще как пьяными. Хочется знать, кто это делал и кто это принял».

«Новая» будет следить за развитием событий.

Татьяна ЛИХАНОВА

Дмитрий БЫКОВ

ОМОН на пенсию, правительство в отставку,
рыбачить, пьянствовать, пока не надоест!

Четырехдневное

Четырехдневная рабочая неделя, ввести которую додумался премьер, — большой прорыв, национальная идея, одна из подлинно необходимых мер! Вот облегчение, вот милость-то Господня — не смена вех, не чрезвычайное ввести, а без насилия: все делать, как сегодня, но наконец четыре дня взамен пяти. Затея мудрая, как Савская царица: без революции, без трат или щедрот всей этой мерзости, которая творится, на двадцать процентов устроить окорот. Клевещут запросы в фальшивых протоколах, в газетных простынях несут сплошную хрень, без тени совести детей болванят в школах — и вдруг убавить это все на целый день! И посвятить его поездкам на природу, прочтенью классики, как в наши времена... Какую, собст-

венно, вы видели свободу? Свобода вот она — не делать ни хрена.
Вон тут у Путина, ликует пресса хором, наглядно явлена гуманность наших дней: он прочит пенсию досрочную шахтерам. Но есть профессии значительно вредней! Шахтер копается в пластах родной породы, телеведущий же — в скоплениях дерьма, и если опыты его продлятся годы — ему понравится, и он сойдет с ума. Хоть им безумие и так уже знакомо — оно в «Останкино» справляет торжество. Скорей на пенсию, на их родное Комо — пусть с облегчением впадут они в него!
Я успокоил бы российскую Вандею, убрал убыточность, остановил бы ложь: даешь трехдневную рабочую неделю! Даешь двухдневную! Полдненную даешь! А впрочем, Родина, прости меня за дерзость, но для диагноза не нужен эрудит:

тут все наладится, коль ничего не делать. То, что ты делаешь, давно тебе вредит. Другим препятствуя, самой себе мешая, надменно хвастаясь, пиарясь на костях... Не русофобия — беда твоя большая, а рукожопия, причем на всех путях. Гоня продвинутых, не видя явных выгод, ты все брыкаешься, как бешеный мустанг. Молчать, бездействовать — сегодня лучший выход: любые действия ведут тебя в цугцванг. И в личной практике, томимый мукой сладкой стихосложения, писанья ли новелл, — лет десять, кажется, я действую с оглядкой: не разозлил ли я? Не слишком надоел? Душой с Обломовым и сердцем с Гончаровым, я воздержался бы от мыслей и от дел. Навальный, кажется, и то разочарован: зачем он выпущен? Сидел бы и сидел!
Я б создал партию «Россия отпуская». Россия в отпуске на триста дней в

году! За воздержание планета остальная с огромной радостью поставит нам еду. Долой полемику: в тюрьму, на переплавку? Отнюдь: достаточно уйти с рабочих мест. ОМОН на пенсию, правительство в отставку, рыбачить, пьянствовать, пока не надоест! Да мало ль Баденов, Испаний, Черногорий, давно распахнутых для местного воря? Послать пожизненно в элитный санаторий и всю Росгвардию, и лидеров ея: пусть вечно лечатся, чтоб юность не угасла, кормить пирожными (не любят? Все равно!), лечить клистирами из розового масла, причем под музыку из Баха и Гуно... Давно и так уже машины, одеянья, любые гаджеты привыкли закупать... Российским лозунгом я вижу недеянье.
Пока не вырастут все те, кому по пять.

Редакторы номера:
А. Полухин, Н. Прусенкова

www.novayagazeta.spb.ru www.novayagazeta.ru

Наш адрес:
в интернете:
NovayaGazeta.Ru

РЕДАКЦИЯ

Сергей КОЖЕУРОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия:
Роман АНИН (редактор отдела расследований),
Ольга БОБРОВА (зам главного редактора),
Руслан ДУБОВ (ответственный секретарь),
Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора),
Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора),
Лариса МАЛЮКОВА (обозреватель),
Кирилл МАРТЫНОВ (редактор отдела политики и экономики),
Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции),
Алексей ПОЛУХИН (зам главного редактора),
Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба),
Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора),
Юрий РОСТ (обозреватель),
Петр САРУХАНОВ (главный художник),
Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора),
Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры),
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора)

Обозреватели и специальные корреспонденты:
Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН,
Борис БРОНШТЕЙН, Дмитрий БЫКОВ,
Борис ВИШНЕВСКИЙ, Александр ГЕНИС,
Ирина ГОРДИЕНКО, Павел ГУТИОНОВ,
Елена ДЬЯКОВА, Вячеслав ИЗМАЙЛОВ,
Павел КАНЬГИН, Елена КОСТЮЧЕНКО,
Алиса КУСТИКОВА, Юлия ЛАТЫНИНА,
Елена МАСЮК, Елена МИЛАШИНА,
Владимир МОЗГОВОЙ,
Галина МУРСАЛИЕВА, Ирек МУРТАЗИН,
Леонид НИКИТИНСКИЙ,
Ирина ПЕТРОВСКАЯ,
Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
Вячеслав ПОЛОВИНКО, Юлия ПОЛУХИНА,
Елена РАЧЕВА, Ким СМЕРНОВ,
Андрей СУХОТИН, Алексей ТАРАСОВ,
Слава ТАРОЩИНА, Марина ТОКАРЕВА,
Ирина ТУМАКОВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР,
Арнольд ХАЧАТУРОВ, Олег ХЛЕБНИКОВ,
Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА,
Ян ШЕНКМАН, Роман ШЛЕЙНОВ
Отдел мультимедиа «Новая студия»:
Анна АРТЕМЬЕВА, Влад ДОКШИН,
Виктория ОДИССОНОВА

Собственные корреспонденты:
Надежда АНДРЕЕВА (Саратов),
Татьяна БРИЦКАЯ (Мурманск),
Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии и Северной Европы),
Иван ЖИЛИН (Урал),
Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург),
Александр МИНЕЕВ (Брюссель),
Ольга МУСАФИРОВА (Киев),
Александр ПАНОВ (Вашингтон),
Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург),
Юрий САФРОНОВ (Париж),
Ирина ХАЛИП (Минск),
Группа выпуска:
Анна ЖАВОРОНКОВА, Алексей КОМАРОВ,
Татьяна ПЛОТНИКОВА (билд-редакторы),
Диана ГРИГОРЬЕВА, Оксана МИСИРОВА,
Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО (технические редакторы)
WEB-редакция:
Антон ВШИВЦЕВ, Мария ЕФИМОВА,
Юлия МИНЕЕВА (заместитель шеф-редактора),
Елизавета КИРПАНОВА,
Роман КОРОЛЕВ, Глеб ЛИМАНСКИЙ,
Надежда МИРОНЕНКО, Анастасия ТОРОП

ИЗДАТЕЛЬ

ЗАО «Издательский дом «Новая газета».
Председатель совета директоров
и редакционного совета —
Дмитрий МУРАТОВ

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН (генеральный директор ЗАО «ИД «Новая газета»),
Владимир ГРИБКОВ (заместитель генерального директора),
Владимир ВАНЯЙКИН (управление делами),
Ирина ДРАНКОВА,
Елена СЕДОВА (бухгалтерия),
Наталья ЗЫКОВА (персонал),
Анжелика ПОЛЯКОВА (реклама),
Ярослав КОЖЕУРОВ (юридическая служба),
Валерий ШИРЯЕВ (заместитель директора)

Пресс-служба:
Надежда ПРУСЕНКОВА

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПб

Учредитель и издатель: ООО «МЕДИА.С-Пб»
СПб., 11-я линия, 66
Д.Л. КАЧАЛОВА (редактор)
199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66.
ООО «Медиа.С-Пб».
Наша группа ВКонтakte: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № Ту 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — 222 250 экз.
Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — 20 400 000 просмотров за июль 2019 г.
Тираж одного номера в СПб — 3140 экз.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.
Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция:
АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2019 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63.
Цена свободная. Срок подписания в печать по графику: 23:30, 24.08.2019.
Номер подписан: 23:30, 24.08.2019. Время подписания номера в печать в СПб: 23:00, 25.08.2019. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66, ООО «Медиа.С-Пб».